LE COURRIER SOCIALISTE

THE SOCIALIST COURIER

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 1 раз в месяц.
Адрес редакции и конторы: 7 East 15th St., Room 407, New York 3, N. Y.
Direction et Bureau en France: F. ATRAN, 6, Square de l'Opéra. — PARIS.

№ 2 (641)
31-ый год издания

Нью-Иорк - Париж
Февраль 1951

Цена: в С.Ш.А. 35 ц.
En France 50 Fr.

СОДЕРЖАНИЕ:

Р. Абрамович: Тридцать лет.
С. Шварц: На пороге новой пятилетки.
С. Волин: "Кровь русского народа".
П. Берлин: О марксизме и диктатуре пролетариата. (Суть вопроса и цитаты).
Б. Двинов: Из истории второй войны. (О сепаратном мире).
В. Александрова: Литература и жизнь: Правда воображаемого разговора.
Франтишек Кохут: Коммунизм в Чехословакии (Слова и дела).
Свободная Трибуна: — Г. Токаев: К проблемам социальной и национальной демократии.
Л. Блит: Правда об Англии. (Ответ Ив. Иванову).

Р. АБРАМОВИЧ

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Ровно тридцать лет тому назад, 1-го февраля 1921 г., вышел в Берлине первый номер нашего журнала. Нынешний номер по счету 641-ый. В течение трех десятилетий тяжкой эмиграции мы, — сначала каждые две недели, за последние 10 лет каждый месяц, — выпускали тетрадку «Соц. Вестника». В истории политической эмиграции всех стран не было еще такого прецедента.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
Орган Заграничной Делегации Р.С.-Д.Р.П.
Выходит 2 раза в месяц при ближайшем участии Р. АБРАМОВИЧА и Л. МАРТОВА
№ 1 — 1 февраля 1921 г. — 1-ый год изд.
От Редакции.

Февраль 1921 — февраль 1951

Если бы в Берлине в 1921 г. кто-нибудь предсказал нам, что нашему журналу будет суждено поставить мировой рекорд 30-летнего существования в эмиграции, мы приняли бы это за неумную шутку. И мы считали бы плодом извращенной фантазии, если бы какой-либо провидец, вроде Орвелла, написал тогда роман «1951» и в нем предвосхитил бы лагеря с миллионами «рабов», коллективизацию, ежовщину, гитлеро-сталинский пакт и советскую «империю».

Мы не поверили бы этой картине не только потому, что мы считали бы совершенно невероятной такого рода трансформацию революционно-социалистической партии в тоталитарно-фашистскую (ведь тогда еще даже и этих терминов, и этих явлений не было), — но главным образом потому, что пути грядущей контр-революции (или бонапартизма, о приходе которого мы не уставали предупреждать), мы предполагали совсем иными. Исторический опыт ликвидации утопических движений в других революциях подсказывал нам совершенно другой прогноз: свержение большевистской диктатуры путем Термидора, прихода Бонапарта и — реставрацию.

У многих из нас не было уже и в то время, — в особенности после Кронштадта и объявления НЭП-а — никаких иллюзий относительно вероятности возвращения большевиков к демократии. Мы понимали, что вынужденные уступки крестьянам на экономическом фронте Ленин решил компенсировать полной отменой даже

тех крупиц свободы слова и выборов, которые еще сохранились («а меньшевиков и с.-р. будем бережно (!) держать в тюрьме»). То была классическая тактика бонапартизма: использовать экономические подачки некоторым слоям населения для дальнейшего лишения народа политических свобод.

И если тем не менее, еще в течение многих лет, до самой коллективизации, в наших рядах у некоторых товарищей и тлела надежда на то, что сопротивление рабочих и крестьян в конце концов все же **заставит** большевиков пойти на **политический** «нэп», — то только потому, что никто не предвидел того, что явилось самым крупным социологическим открытием эпохи между двух войн, — а именно, что при известных условиях насилие может оказаться сильнее социально-экономических потребностей основных классов, что в СССР народился строй, еще в истории никогда не виданный, общество, в котором не экономика определяет политику, а наоборот, политическая воля и планы террористической партии определяют экономику огромного народа, превратившегося в безвольное «тесто» в руках ВКП (б).

Отступление Ленина после Кронштадта, стачек петербургских рабочих и экономического саботажа русского крестьянства нас тогда еще больше утвердило в убеждении, что примат экономики действует даже при режиме диктатуры, и что самый могущественный диктатор не в состоянии долго сопротивляться экономическим потребностям страны.

Но мы не учли одного: Ленин еще не был могущественным диктатором, и ленинская диктатура, хотя и заключавшая в себе в зародыше все элементы сталинизма, еще была далека от тотальной: понадобились еще годы сталинского «усовершенствования» аппарата, чтобы он мог справиться с такой гигантской задачей, как отнятие у 100 миллионов крестьян плодов их аграрной революции и уничтожение крестьянства, как класса свободных земледельцев. И не меньше 15 лет со времени нэпа должно было пройти, прежде чем Сталин мог решиться на поход против своей собственной партии и стать ее победоносным могильщиком.

Когда Сталин объявил сплошную коллективизацию деревни, то никто вне пределов России не поверил в выполнимость такого чудовищного предприятия. А когда Пауль Шефер, московский корреспондент «Берлинер Тагеблатт», предсказал победу Сталина над крестьянством, то все русские специалисты по крестьянскому вопросу его высмеяли. Слыханное-ли дело, чтобы кто-нибудь мог справиться с русским мужичком? Он сломит Сталина, как сломил Ленина. Солдаты Красной армии ведь дети крестьян, они восстанут, как один человек, и тогда режиму не сдобровать.

Да, солдаты во многих местах, действительно, восставали, мужики брались за вилы и косы, разоряли свое хозяйство и резали свой скот, чтобы не достался ненавистному колхозу. Но немец Шефер своим острым глазом полу-наци правильнее оценил мощь тоталитарного террора, чем русские специалисты. Кто мог предвидеть и предположить, что Сталин опустошит целую область, выслав все население в наглухо запечатанных вагонах смерти, без воды и еды? Кто бы поверил, что Сталин сознательно обречет на голодную смерть миллионы женщин и детей и доведет население Украины и Кубани до массового людоедства. И кто предвидел, что вожди партии «пролетарского гуманизма» введут на допросах старых коммунистов пытки, перед которыми блекнеют пытки инквизиции.

Мы понимаем, что после крушения большевистского режима по стране может разлиться волна жестоких репрессий, мы знали из истории Парижской коммуны, какими кровавыми расправами и массовыми убийствами торжествующая контр-революция мстит побежденной утопической революции. Но нигде в истории человечества мы не могли бы найти примеров подобных ужасов, совершенных вождем **победившей революции** против революционных классов, приведших его к власти. Вождь революции без открытого переворота и без изменения официальной идеологии превратившийся в вождя контр-революции; Бонапарт, пришедший к власти без Термидора, — такова была динамика нового типа революции, новой диктатуры меньшинства, — тоталитаризма.

Мы пишем это не для **оправдания** нашего запоздалого прозрения, — нам «оправдания» не нужно. Ибо и никакая другая политическая группа и ни один другой теоретик не предвидели и не предсказали такого рода развития. Ведь даже те, которые еще в октябре 1917 г. говорили о большевиках, как о «контр-революции», имели в виду совсем не то, что произошло на деле и что застигло их врасплох не меньше, чем нас, а нечто другое. Ведь большевики не делали контр-революции, когда проводили аграрную реформу по программе с.-р. Не делали они контр-революции и тогда, когда в гражданской войне вели за собой крестьянство в обороне против дворянско-помещичьей реставрации, пытавшейся подавить не эксцессы утопической революции, а самую революцию, которая стране была необходима, как воздух. Те, кто говорили о контр-революции Ленина, имели в виду, как и мы все, что неизбежное свержение большевистского режима откроет ворота контр-революции — монархической, генеральской, реакционно-реставраторской.

Контр-революционное вырождение началось позже, когда утопическая власть меньшинства взялась за дело построения утопии методами тотального террора и тотальной диктатуры, когда она страну и народ превратила в собственность монопольной партии.

То, чему никто бы не поверил и чего не предвидел даже такой проницательный ум, как Г. В. Плеханов, — в 1918 г., незадолго до своей смерти шокировавший решительно всех своим заявлением, что большевики продержатся два-три года, — осуществилось: большевистская диктатура существует вот уже треть столетия, купив свое физическое существование ценой перерождения в бесчеловечный режим, ставший основным двигателем мировой реакции.

Рядом с этим чудовищным, но гигантским феноменом физически почти стушевывается микроскопический антипод его — беленькие тетрадки «Социалистического Вестника», которому почти столько же лет, как и начавшейся с Кронштадта большевистской контр-революции. Но в истории дух и идея играют иногда роль несоизмеримую с их физическим объемом. Наш журнал может гордиться тем, что он неустанно, — следуя

как Немезида по пятам за каждым шагом большевистской диктатуры, — бесстрашно, в самых трудных условиях вел борьбу против профанации идей социализма, равенства и демократии. Террору, насилию, несвободе и несправедливости мы последовательно и неуклонно противопоставляли гуманизм, человечность, свободу человека и справедливость.

Беспощадно, ничего не замалчивая и не прикрывая, разоблачали мы все преступления большевистского режима. Перед лицом всего социалистического мира клеймили его жестокость и бесчеловечность, его преступную политику по отношению к крестьянству и рабочим; его раскол мирового социализма, его подавление свободного слова и свободной мысли в среде русской интеллигенции; его нападение на малые народы (Грузию, Финляндию, Прибалтику), его империалистическую политику порабощения целых континентов и его тактику разжигания войны в сотрудничестве с самыми грязными и каннибальскими режимами реакции и фашизма.

Не было такого акта сталинского режима, от бессудных расстрелов великих князей до Катыни и Винницы, который мы не пытались бы по мере сил разоблачить и осудить в глазах всех честных людей.

Оглядываясь в день нашего столь необычного юбилея на пройденный путь, мы горды тем, что, ведя эту беспримерную по числу лет борьбу, мы никогда не отступали от основного нашего лозунга: своей непримиримой борьбой против большевизма и коммунизма служить по мере наших сил идеалам подлинного, демократического, свободолюбивого и человечного социализма.

С. ШВАРЦ

НА ПОРОГЕ НОВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Четвертая пятилетка закончилась 31-го декабря 1950 года, но пятая, в сущности, еще не началась. Конечно, первый год будущей пятой пятилетки уже идет, но 5-ый пятилетний план еще не опубликован и, может быть, окончательно еще и не выработан. Таковы уж ставшие традиционными капризы советского планирования.

Об итогах 4-ой пятилетки опубликованы пока лишь отрывочные сведения — в речи Булганина в 33-ю годовщину Октября и в кратких отчетах Центрального Статистического Управления о годовых народно-хозяйственных итогах за 1946-1950 годы. Возможно, что мы узнаем об этом больше при опубликовании 5-ой пятилетки и при обсуждении ее в Верховном Совете СССР, — если только она будет внесена в Верховный Совет, что по конституции обязательно, и действительно было сделано с 4-ой, но не было сделано с 3-ей пятилеткой. Но и то, что уже известно, позволяет сделать некоторые выводы, облегчающие понимание новейшего советского развития.

В свое время «Социалистический Вестник» охарактеризовал четвертую пятилетку, как пятилетку изоляционистскую. После окончания войны Советский Союз находился на перепутье. Перед ним открывалась возможность тесного экономического сотрудничества с Западом, которое чрезвычайно облегчило бы процесс послевоенного экономического восстановления Советского Союза с помощью долгосрочных и льготных иностранных кредитов и открыло бы возможность сравнительно быстрого улучшения материальных условий существования народа. Или Советский Союз мог пойти путем восстановления и развития своей глубоко потрясенной войной экономики за счет собственных усилий, что на годы исключало возможность сколько-нибудь значительного подъема невыносимо низкого жизненного уровня широких слоев трудящегося населения. Но выбор того или иного пути лежал не в сфере экономики, а в сфере политики. Тесное международное экономическое сотрудничество предполагало и тесное и честное политическое сотрудничество, отказ от политики экспансии и агрессии, укрепление системы действительной международной безопасности. Этой **интернационалистской** политике советское правительство предпочло **изоляционистскую** политику «холодной войны». В области экономики это решение обернулось — и должно было обернуться — тяжелым давлением на жизненный уровень огромного большинства населения и одновременно — в этом в свое время мало кто отдавал себе отчет — тяжелой экономической эксплоатацией стран-сателлитов.

Уже 4-ый пятилетний план поставил в центр внимания резкое усиление тяжелой промышленности за счет замедления процесса восстановления и развития отраслей промышленности, производящих предметы потребления. Действительность оказалась гораздо хуже, чем можно было ожидать на основании наметок пятилетнего плана. Валовая продукция промышленности в целом возросла даже значительнее, чем намечалось планом, и в 1950 году будто бы превысила (в неизменных ценах) уровень 1940 года на 73% (вместо 48%, намечавшихся планом). Это, несомненно, статистический фокус, на раскрытии которого здесь невозможно останавливаться. Но что валовая продукция промышленности в целом оказалась в 1950 году выше, чем намечалось пятилеткой, не вызывает сомнений. Из отдельных показателей, которые поддаются исчислению, выясняется с несомненностью, что, например, производство угля, нефти, электрической энергии, стали превысило в 1950 году наметки пятилетнего плана. В то же время уже в рамках тяжелой промышленности производство большого числа предметов, имеющих более близкое отношение к удовлетворению потребностей населения, явно отстает от плана. И тем более это относится к легкой промышленности, непосредственно работающей для удовлетворения потребительских нужд населения.

Остановимся для краткости лишь на двух примерах, с чрезвычайной наглядностью иллюстрирующих основную тенденцию советской промышленной политики. Таких примеров можно было бы привести немало, но, мне кажется, лучше более внимательно проанализировать два типичных примера, чем рассеивать внимание читателя на большом числе дробных фактов. Два примера, о которых идет речь, это — производство хлопчатобумажных и шерстяных тканей.

Хлопчатобумажная промышленность в былые годы в течение десятилетий была одной из важнейших отраслей русской промышленности, далеко еще, однако, не удовлетворяя даже минимальных потребностей населения. За годы пятилеток промышленность страны в це-

лом значительно выросла, но все же хлопчатобумажная промышленность отставала от общего развития все больше и больше. И это тем более относится к шерстяной промышленности, никогда не достигавшей в России значительного развития.

В приведенной ниже таблице показаны размеры действительного производства хлопчатобумажных и шерстяных тканей, начиная с 1927-28 года, последнего года перед переходом страны к политике пятилетних планов, и — в скобках — наметки всех четырех пятилетних планов для последнего года каждой из пятилеток:

ПРОИЗВОДСТВО ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫХ ТКАНЕЙ

(в миллионах метров)

Пятилетки	1927-28	1932	1937	1942	1950
Первая	2.778	(4.700)	—	—	—
Вторая	—	2.694	(5.100)	—	—
Третья	—	—	3.447	(4.900)	—
Четвертая	—	—	—	—	(4,686)

ПРОИЗВОДСТВО ШЕРСТЯНЫХ ТКАНЕЙ

(в миллионах метров)

Пятилетки	1927-28	1932	1937	1942	1950
Первая	93,2	(270)			
Вторая		88,7	(220)		
Третья			110,8	(177)	
Четвертая					(159,4)

Поражает в этих таблицах, что плановые наметки по хлопчатобумажной промышленности для последнего года четвертой пятилетки оказались ниже, чем плановые наметки для последних годов третьей, второй и даже первой пятилеток и что отставание это еще резче сказалось в шерстяной промышленности. Отставание сбоих важнейших отраслей текстильной промышленности и чрезвычайная скромность наметок 4-го пятилетнего плана вырисовываются еще отчетливее, если принять во внимание значительный естественный рост населения Советского Союза с 1927-28 по 1950 год и тот факт, что данные для 4-ой пятилетки относятся к расширенной территории Советского Союза и что в новых областях до присоединения к Советскому Союзу жило более 24 миллионов человек. Общую численность населения Советского Союза для 1927-28 годов можно принять равной 151 миллиону, для 1950 года — 210 миллионам.

Скромность показателей четвертого пятилетнего плана для хлопчатобумажной и шерстяной промышленности настолько резко бросалась в глаза, что правительство через несколько месяцев после утверждения плана вновь проверило их, и постановлением Совета Министров СССР от 23-го декабря 1946 года производственная программа хлопчатобумажной промышленности для 1950 года была расширена с 4.686 до 4.786 миллионов метров, программа шерстяной промышленности — с 159,4 до 168 миллионов метров. Но ни исправленные, ни первоначальные наметки пятилетнего плана не были осуществлены, и производство хлопчатобумажных тканей достигло в 1950 году (если в данных годовых отчетов нет преувеличений) лишь 3.977 миллионов метров, т. е. 85% плана (и даже лишь 83% расширенного плана), производство шерстяных тканей — 154 миллионов метров, т. е. 97% первоначального плана (и 92% расширенного плана). Это составляет на душу населения 18,9 метра хлопчатобумажных тканей против 18,4 метра в 1927-28 году и 76 сантиметров (сантиметров!) шерстяных тканей против 62 сантиметров в 1926-27 г.

Иначе, чем голодной нормой, это назвать нельзя. Для шерстяных тканей это даже ниже голодной нормы. Кстати, и для хлопчатобумажных тканей это тоже ниже уровня производства на душу населения в 1937 году, когда (при населении около 166 миллионов) приходилось на душу около 20,8 метра.

И это — итог двух десятилетий чрезвычайных усилий и жертв, превративших отсталую аграрную страну в страну «индустриальную»!

Показатели по хлопчатобумажной и шерстяной промышленности характеризуют ничтожную роль, которую в советской промышленной политике играют соображения о необходимости поднятия жизненного уровня населения. Данные эти никак не могут настроить на оптимистический лад, как ни стараются советские газеты убедить советских людей, что им, вопреки фактам, легко и хорошо живется. Не многим лучше и с сельским хозяйством. Остановлюсь и здесь на двух — и важнейших — примерах: на данных о хлебе и о поголовье скота.

Плановые данные о производстве хлеба в четвертой пятилетке поражают своей сдержанностью. При намечавшемся увеличении народного дохода по сравнению с 1940 годом на 38%, валовой продукции промышленности на 48%, производство хлеба должно было возрасти, по сравнению с 1940 годом, лишь на 7% и должно было достигнуть в 1950 году 127 миллионов тонн (на корню). И здесь план для 1950 года был ниже, чем в свое время план третьей пятилетки для 1942 года — для меньшего Советского Союза (131 млн. тонн). Но и эта наметка 4-ой пятилетки осталась неосуществленной, и производство хлеба в 1950 г. достигло 7,6 млрд. пудов, т. е. 124,5 млн. тонн, или 98% плана.

Это еще может быть, с полбеды. Гораздо хуже положение животноводства. Советское животноводство и накануне вступления Советского Союза в войну находилось еще в тяжелом состоянии, едва оправившись — да и то не вполне — от страшной катастрофы, которую оно пережило в период коллективизаторского урагана в начале тридцатых годов. Война принесла советскому животноводству новые тяжелые испытания. Четвертый пятилетний план намечал на конец 1950 года относительно скромную программу, которая по своим абсолютным размерам должна была обеспечить уровень поголовья скота, приблизительно отвечающий уровню, достигнутому в свое время к началу политики пятилетних планов (кроме поголовья лошадей, число которых и в 1950 году не достигло бы и половины числа, достигнутого перед началом первой пятилетки). Это и для того времени было очень скромно (и первая пятилетка легкомысленно намечала очень значительное увеличение поголовья). Но сейчас, при громадном увеличении населения страны (почти на 60 миллионов) это просто бедность. Но и этот уровень, — кстати, тоже далеко отстававший от уровня, намечавшегося 3-ьим пятилетним планом для 1942 года для меньшего Советского Союза, — остался недостигнутым, как это видно из следующей таблицы:

	Лошади	Крупный рог. скот	Овцы и козы	Свиньи
	(в миллионах голов)			
Конец 1942 г. (по 3-ему пят. пл.).	21,9	71,3	139,8	51,4
Конец 1950 г. (по 4-му пят. пл.)	15,3	65,3	121,5	31,2
Конец 1950 г. (в действительности)	13,7	57,2	99,0	24,1

Это значит, что план по конскому поголовью был выполнен лишь на 90 %, по крупному рогатому скоту на 88 %, по овцам и козам на 81%, по свиньям даже лишь на 77 % (по отношению к уровню, намечавшемуся в свое время — для меньшего Советского Союза! — для 1942 года, это даже соответственно лишь 63%, 80%, 71% и 47%). Это действительное бедствие. И оно означает, что в стране острый недостаток и мяса, и сала, и молочных продуктов, и шерсти, и кож.

С. ВОЛИН.

А официальная пресса неизменно твердит о «значительном улучшении материального положения» широких слоев трудящегося населения. Доходы рабочих и крестьян будто бы уже в 1949 году увеличились по сравнению с 1940 годом — в сопоставимых ценах — т. е. реально — и в расчете на одного работника, у рабочих на 24%, у крестьян даже более чем на 30%. А в 1950 году доходы рабочих и крестьян (на этот раз данные сообщаются для обеих групп вместе и не на одного работника, а для групп в целом) увеличились будто бы — все в «сопоставимых ценах» — еще на 19 %. И надо бы лучше, да некуда! Но все это сообщается, так сказать, «на честное слово», и какова в действительности заработная плата рабочего и каковы и как складываются доходы крестьянина, — все это государственная тайна. И если ежедневный опыт говорит советскому рабочему и крестьянину, что все эти разговоры о громадном подъеме его жизненного уровня решительно противоречат фактам, которые он каждый день наблюдает и очень больно на себе испытывает, — ну, что же, тем хуже для фактов!

«КРОВЬ РУССКОГО НАРОДА»

Анти-американская кампания в СССР приняла размеры, далеко выходящие за пределы обычных советских кампаний. На этот фронт теперь брошен весь огромный аппарат советской пропаганды. В газетах и журналах, в романах, стихах и научных трудах выпад против Соединенных Штатов стал почти таким же обязательным, как и цитата из Сталина. Взвинчивая самих себя, советские писатели и ораторы доходят до истерии, которую можно сравнить разве только с антисемитской пропагандой в гитлеровской Германии. Но эта советская истерия носит явно рассчитанный характер и направляется из центра искусной рукой.

Кампания ненависти против США достигла высшей точки в недавней речи П. Н. Поспелова, одного из советских «идеологических» лидеров и директора Института Маркса-Энгельса-Ленина. Поспелов был официальным оратором на собрании, посвященном годовщине смерти Ленина — одном из крупнейших ежегодных торжеств в СССР. Среди присутствовавших были высшие советские сановники, в том числе Сталин и все политбюро. Это была не просто речь, а программа, утвержденная высшими партийными инстанциями и долженствующая стать руководством для агитаторов. Такие речи перепечатываются во всей провинциальной прессе, переводятся на десятки языков, на которых говорят в СССР, передаются по радио и повторяются десятками тысяч пропагандистов во всех деревнях, фабриках и воинских частях.

Речь Поспелова была целиком посвящена США. О других — внутренних и внешних — проблемах СССР он даже не упомянул. Но он уже не ограничился обычной бранью против американских «акул империализма» и «врагов человечества». Он искал лозунгов, которые могли бы вызвать более сильные эмоции, чем эти уже начинающие набивать оскомину шаблоны. А недавний опыт показал, что национальное чувство и патриотизм представляют собой в России громадную силу. Во время последней войны ведь именно патриотизм объединил население СССР, создал боевой дух в армии и, главное, временно отодвинул на второй план злобу против полицейско-колхозного режима.

Играя на этой струне, Поспелов старался изобразить США, как врага не **советской агрессии,** а как наследственного врага России, уже давно замыслившего ее расчленение и колонизацию.

Подкрепляя свою речь цитатами из Ленина, он утверждал, что в 1917 году, еще до советского переворота, Америка стремилась «закабалить» Россию, а потом стала **«инициатором** голодной блокады Сов. России». Президент Вильсон был — по его заявлению — «одним из главных вдохновителей вооруженной интервенции международного империализма против молодой советской республики». Во время интервенции-де американские войска «зверски» убили и замучили многие **десятки тысяч** русских людей» и покрыли оккупированную ими область «густой сетью тюрем и концлагерей» (!). Они культивировали «чудовищные, зверские нравы», а Вильсон поехал в Париж на мирную конференцию с программой «полного расчленения России» и захвата **Сибири и Кавказа** (!).

В дальнейшем «гитлеровский империализм, вскормленный и вспоенный американскими монополиями», вероломно напал на СССР, а теперь в Корее американцы применяют «заимствованную у гитлеровцев каннибальскую политику». От всех этих преступлений «руки американских империалистов обагрены кровью русских людей. Советский народ никогда не забудет кровавых злодеяний, палаческих «подвигов», которые творили на нашей земле американские интервенты».

Эта сплошная фальсификация истории, в которой почти каждое утверждение — грубая ложь, рассчитана на то, чтобы обмануть советское население и натравить его на США. Она может иметь только один смысл: создать психологические предпосылки большой войны. Поэтому небесполезно вспомнить, как в действительности

происходили события, столь грубо искаженные Поспеловым.

⁂

Как все государственные деятели того времени, Вильсон был убежден в том, что «советская власть будет скоро свергнута и заменена демократическим режимом. Его русская политика определялась стремлением подготовить дружеские отношения с этой будущей демократической великой державой. По этим причинам он был **против** интервенции и согласился на нее только по настоянию союзников.

Когда план интервенции возник, Государственный Департамент США сообщил британскому послу в феврале 1918 года, что «правительство США считает всякую интервенцию в русские дела в настоящее время нецелесообразной». Эта точка зрения была развита в ноте союзным послам от 17 июля 1918 г.; в ней было сказано, что «военная интервенция усилит хаос в России, а не смягчит его, повредит России, а не поможет ей». Но, подчиняясь решению Верховного военного совета союзников ,правительство США «намерено предложить всем участникам этой акции заверить русский народ публично и самым торжественным образом в том, что ни одно из правительств, участвующих в сибирской и северной экспедициях, не предполагает какого бы то ни было нарушения политического суверенитета России, вмешательства в ее внутренние дела или какого бы то ни было покушения на неприкосновенность ее территории». Это мало похоже на попытку «колонизации России», о которой говорил Поспелов.

Вильсон всегда проводил грань между русским народом, к которому он относился с симпатией, и режимом большевиков, которых он называл «самыми отъявленными мерзавцами в мире». Его политика определялась, конечно, не абстрактной симпатией к России, а реальными интересами Соединенных Штатов. Но интересы этих двух стран нигде не сталкивались, кроме Дальнего Востока, да и то в мягкой форме, благодаря наличию Японии. Недаром Россия и США были единственными великими державами, между которыми никогда не было войны.

Иначе обстояло дело с Японией, экспансия которой представляла угрозу для США. Интервенция на Дальнем Востоке должна была быть проведена совместно американскими и японскими войсками, и уже с самого начала стало ясно, что Япония намерена оккупировать восточную Сибирь всерьез и надолго. США твердо решили не допускать этого. Это решение было выражено в целом ряде дипломатических нот и переговоров, в частности на Вашингтонской конференции 1921 года. Японии пришлось, в конце концов, подчиниться и увести свои войска: США спасли для России восточную Сибирь и Приморье.

Если бы не настойчивость США, Владивосток и Приморская область, по крайней мере на время, перешли бы к Японии. Поспелов прав, что «кровь русского народа» в это время лилась реками, но проливало ее не правительство США, а сов. правительство, развязавшее свирепый террор ЧК и зверскую жестокость гражданской войны.

Роль США в этих событиях была так ясна, что о ней не могли умолчать даже советские источники. И. И. Майский, будущий посол в Лондоне, писал в 1923 году об американских войсках в Архангельске и Владивостоке: «Справедливость требует признать, что больше контр-революционной активности они (американцы) не обнаруживали» и вели «политику выжидания и бездействия в период «большой интервенции» и позже».

Видный советский экономист и востоковед П. Поспелович издевался над «провинциализмом» американской внешней политики, то-есть, над ее неумением понять какие широкие перспективы открывались перед ней даже через десять лет после начала интервенции, в конце 1928 года, замнаркоминдел Литвинов, в своем докладе ЦИК-у СССР, признал: «Мы должны, по справедливости, отметить, что в числе правительств, интриговавших против нашего Союза, правительства США нам до сих пор не находим». Таким образом, нынешние выклады сов. правительства опровергаются документами комиссариата иностранных дел.

Этот вопрос возник еще раз при признании СССР Соединенными Штатами в 1933 году. В соглашении о признании сов. правительство заявило, что, «изучив документы 1918-1921 г. г., касающиеся отношения американского правительства к экспедиции в Сибирь... и к неприкосновенности территории СССР», сов правительство отказывается от каких-либо прав на возмещение убытков, вызванных этой экспедицией. Смысл этого заявления тем яснее, что сов. правительство не отказалось от требования возмещения убытков в Архангельске причиненных англичанами.

В передовой по поводу признания, «Известия» писали, что, «если отвлечься от принципиальных противоречий между строем, существующим в СССР, и режимом во всех капиталистических странах, то между СССР и СШ противоречий окажется меньше, чем между СССР и любой другой капиталистической державой». Теперь эта же газета печатает целиком речь Поспелова. «Известия» никогда не отличались чрезмерной приверженностью к правде, но в 1933 г. сов. правительство еще не занималось военными авантюрами, а само было под угрозой немецкой агрессии. Еще позже, в 1937 году, «Большая советская энциклопедия» в пространной статье об истории интервенции признала, что именно «дипломатические осложнения с США привели, в конце концов ,японских интервентов к необходимости убрать свои войска из Приморья».

⁂

Конец интервенции не привел США к признанию сов. правительства, но вражда к правительству отнюдь не исключала дружественного отношения США к народу СССР. Это сказалось с особенной ясностью в деятельности американской организации помощи АРА.

В 1921 году в России разразился страшный голод. Миллионы людей умирали голодной смертью, а в восточных районах Европейской России были установлены случаи людоедства.

Когда сведения об этом бедствии дошли до Америки, Соединенные Штаты предложили помощь, как они не раз это делали в других подобных случаях. Но у советского правительства это предложение вызвало большие сомнения. В Кремле, очевидно, считали, что для советских граждан голодная смерть здоровее, чем кон-

такт с иностранцами. Удивленным американским представителям Литвинов объяснил, что «пища, это — оружие».

Когда же разрешение, наконец, было дано, АРА развила в СССР широкую деятельность. Конгресс США ассигновал в распоряжение АРА 20 миллионов долларов, и еще 26 миллионов было собрано через Красный Крест и путем частных пожертвований. АРА работала почти два года, распределяя значительное количество пищевых продуктов, обслуживая 14.000 госпиталей, амбулаторий, детских домов и пр. В то время даже сов. правительство принуждено было признать гуманитарный характер деятельности АРА, которой наркоминдел Чичерин публично выразил благодарность правительства.

Так в действительности выглядели «каннибализм» американцев и «голодная блокада СССР» Соединенными Штатами, о которых Поспелов теперь говорит с чисто большевистской честностью. В то время, как советское правительство, повинное в страшном бедствии, постигшем тогда Россию, по уши сидело в «крови русского народа», США спасали миллионы русских женщин и детей от вызванного большевистским экспериментом голода.

***

Все эти факты, конечно, хорошо известны Поспелову. Среди его слушателей были люди, которые принимали активное участие в событиях и хорошо помнят их. И все они тем лучше помнят правду, чем ближе мы подходим к событиям совсем недавнего прошлого. И все же, как раз самые чудовищные измышления и извращения Поспелова относятся именно к эпохе второй мировой войны.

Поспелов утверждает, что гитлеровский империализм был «вспоен и вскормлен» американцами. Но ведь все присутствовавшие на параде хорошо помнили, как немецкие коммунисты, по прямому приказу Москвы, единодушно голосовали в прусском ландтаге так, чтобы, устранив демократическое правительство Брауна-Северинга, облегчить Гитлеру приход к власти. Поспелов инсинуирует по поводу того, что Америка потворствовала Гитлеру вначале войны. Но сами большевики и весь мир знает, что хотя США формально вступили в союзную коалицию только после Перль Харбора, через 15 месяцев после начала европейской войны, и почти через 6 месяцев после нападения Гитлера на Россию, правительство Рузвельта фактически, с самого начала, преодолевая господствовавший в народных массах и разжигаемый американскими коммунистами изоляционизм, — превратило США в арсенал союзников, снабжало Англию, а потом и СССР, вооружением и продовольствием, охраняя своим флотом их морские пути.

Но почему Поспелов не рассказал своим слушателям, что делало до своего вступления в войну советское правительство? А потому, что он должен был бы признать, что оно соблюдало «кровью спаянную дружбу» с Гитлером. Нейтральный СССР тоже снабжал воюющих — но не англичан, а немцев. Он «поил и кормил» их сырьем, в частности нефтью, необходимой для военной промышленности, хлебом и т. д. Партии Коминтерна на Западе разлагали тыл союзников своей пропагандой об империалистическом характере войны и требовали мира, то-есть, по тогдашним условиям, капитуляции перед Гитлером.

А когда Сталин поневоле оказался в союзе с демократиями, Черчилль и Рузвельт, не колеблясь ни минуты, поспешили на помощь СССР, стремясь установить с ним действительно союзные отношения. Снабжение СССР из Америки шло широким потоком, и стоимость поставок по «ленд-лизу» достигла почти 4 миллиардов долларов. Эти поставки включали не только амуницию, грузовые машины, танки, самолеты и т. п., но целые фабрики и заводы, которые и сейчас питают советскую военную промышленность, а также около 700 торговых судов и изрядное число военных кораблей.

Если б нынешняя советская легенда о «предательском поведении союзников» по отношению к СССР соответствовала истине, союзникам было проще всего предоставить Сталина самому себе и дать ему возможность попробовать своими силами справиться с Германией, а второй фронт отложили бы до лучших дней.

***

Не нам возражать против того, что гробница Ленина была признана подходящим местом для провозглашения новой большой лжи. Но мы должны отдать себе отчет в том, до какой степени эта ложь стала существенным элементом коммунистической «идеологии». Уже в первую неделю после речи Поспелова поступили сообщения об анти-американских резолюциях, принятых на некоторых фабриках и, главное, в войсковых частях.

Кампания ненависти против Америки нужна для того, чтобы обманным путем взвинтить патриотизм народа и создать психологические предпосылки для новой Отечественной войны. Это надо делать заблаговременно, потому что создать эти предпосылки при наступательной войне несравненно труднее, чем при действительно освободительной оборонительной войне. Именно поэтому анти-американская кампания началась уже сейчас, — и в стахановских масштабах.

Мы уверены, что даже гигантской машине сталинской пропаганды будет нелегко искоренить традиционное русское дружелюбие к американскому народу и заменить его слепой ненавистью. Об этом свидетельствует самая ярость и настойчивость, с которой эта кампания проводится. Тем важнее, поэтому, кампании лжи противопоставить пропаганду правды об Америке и России.

Возобновляйте
подписку
на 1951 год.

П. БЕРЛИН

О МАРКСИЗМЕ И ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

(СУТЬ ВОПРОСА И ЦИТАТЫ)

В одном из последних номеров сатирического журнала «Сатирикон», вышедших в Петербурге после Октября, помещен был во весь лист портрет Карла Маркса, и под ним подпись: «Карл Маркс, родился в Трире в 1818 году, умер в Лондоне в 1883 г., похоронен большевиками в России в 1917 году».

В самом начале Октябрьской революции устами сатирического журнала возлагали ответственность за большевистские ужасы на марксизм, считая, что этим Маркс развенчан и похоронен в сознании русских людей двадцатого века.

Удивляться этому не приходится. Большевики клялись именем Маркса, называли себя его ортодоксальными последователями, вывешивали портреты Маркса на всех указанных и неуказанных местах. И по мере того как принудительно умолкали все те, которые делали из марксизма противобольшевистские выводы, а с другой стороны большевики все более злодействовали именем Маркса, в самых широких кругах росло озлобление против Маркса, как отца большевизма. Этим большевистским прославлением Маркса и собственным озлоблением против него в значительной степени отравлены суждения о Марксе в Советской России. Это относится ко многим представителям ди-пи, вывезшим из России большевистскую карикатуру на марксизм. Поэтому Р. А. Абрамович, как нельзя более своевременно, поставил себе задачею реставрировать марксизм в его подлинности, а не в большевистской фальсификации. Спешу оговориться. Мне досадно, что увлекшись своей задачей очистить Маркса от его большевистских богомазов, Р. Абрамович не счел нужным отметить, что у Маркса наряду с его магистральною политическою линией встречаются и уклонения от нее в сторону бланкизма и якобинства. И эти случайные и преходящие отклонения и уклонения Ленин и другие большевики не без ловкости рук использовали, чтобы ими заслонить и исказить подлинную линию марксистской мысли и практики.

Я не буду останавливаться на этой стороне статьи Р. Абрамовича. Ее использовал М. В. Вишняк в своих двух статьях, напечатанных в «Социалистическом Вестнике» и в «Новом Русском Слове». М. Вишняк в свою очередь хоронит Маркса, но по эс-эровскому обряду и отпевает его цитатами.

Цитаты у М. Вишняка совершенно точные, указания порою верные, но за всем тем, это тот же порочный метод, которым пользуются большевики, прославляя Маркса с помощью цитат, выхваченных из всего контекста его рассуждений. Маркс был не только глубоким ученым и мыслителем, просиживавшим долгие годы в Британском музее и в тиши кабинета формулировавшим свои теории. Он вместе с тем был страстным политическим борцом, наделенным горячим политическим темпераментом, и действовал в годы, когда социалистическое движение только выходило на современный путь и когда ход политического развития всех стран то и дело круто обрывался, вызывая взлет и крушение революционных движений, что резко меняло всю политическую конъюнктуру. И, находясь, — употребляя выражение Г. Успенского, — «в числе драки», перехода от оптимизма к пессимизму, Маркс часто высказывал мысли, рожденные моментом и противоречащие его же основной политической линии, определяющей особенности и заслуги марксизма. Да, у Маркса можно найти такие места, но как раз не этими высказываниями, а им противоположными теориями ценен и показателен марксизм. Да, ведь, собственно, каждого крупного деятеля можно с помощью цитат, выхваченных из контекста его основной политической деятельности и мысли, превратить в собственную противоположность. Ведь не трудно, перелистав двадцать томов сочинений Герцена, выудить оттуда ассортимент несомненных и точных цитат, свидетельствующих о том, что Герцен был поклонником самодержавия, что он разочаровался в демократии, что он самым резким образом клеймил Чернышевского и Добролюбова. Все это будет «с цитатами верно», но оно не охарактеризует, а исказит образ Герцена. Не этим составляет он красоту и гордость русской литературы и не в этом его особая примечательность. Или взять властителя народнических дум П. Лаврова. Разве нельзя без труда набрать у него цитат, свидетельствующих о том, что он разделял политические взгляды Маркса, исповедывал исторический материализм, прославлял Парижскую коммуну? Но разве это, а не противоположное характеризует особенность и отличие его основной мысли, основной линии его мышления и политического поведения?

Возьмем Плеханова. С помощью избранных цитат М. Вишняк указывает на зародыш большевизма у Плеханова. У Плеханова иногда прорывались нотки и якобинства, и бланкизма. Он сам это откровенно признавал. В мае 1888 года он пишет Аксельроду: «А мое якобинство? Нужно же, чтобы вы меня сдерживали, чтобы вы имели даже право сдерживать мои централистические и якобинские тенденции. Ведь, право, на этот счет есть у меня грешок».

На Втором съезде этот «грешок» прорвался у Плеханова с особенною ясностью. Но ведь сам Плеханов справедливо видел в этом не суть, не заслугу своих взглядов, а «грешок», от которого надо избавиться. А М. Вишняк с помощью случайных цитат этого рода «грешки» возводит в характеристику. Ведь огромная заслуга Плеханова состоит не в этом впадении порою в грешок, а в его борьбе в восьмидесятых годах как-раз с тогдашним народническим якобинством, бланкизмом, проповедью захвата власти и утопизмом.

Вернемся, однако, к Марксу. Здесь в центре цитатного обстрела выступает вопрос о диктатуре пролетариата. М. Вишняк прав в одном: выдвигание диктатуры пролетариата не было у Маркса простым «словечком», как утверждал Каутский. Достаточно вспомнить его критику Готской программы и другие статьи. Но вместе с этим диктатура пролетариата никогда не составляла неустранимой, органической части в теории Маркса и, наоборот, она, как и плехановский бланкизм, как увидим ниже, была в известной степени тем же грешком, совершенным им в минуту жизни трудную,

когда революционные крушения вызывали пессимистические настроения. Я сейчас остановлюсь на этом, а пока отмечу одно очень важное обстоятельство, упускаемое из виду М. Вишняком и многими другими. Когда мы теперь говорим о «диктатуре пролетариата», то у нас неизбежно и целиком это ассоциируется с диктатурой пролетариата в той безобразной и разбойничьей форме, как ее осуществили большевики. Но во времена Маркса, до Парижской коммуны, вообще нигде не было никакой попытки осуществить даже в самом скромном виде эту диктатуру. Она существовала только в представлении. А это представление о диктатуре пролетариата не имело ничего общего с советской диктатурой. Но и в представлении Маркса она появлялась слухайно и редко, нисколько не характеризуя его мировоззерцание и тактику. Как указал уже Р. Абрамович, это ясно хотя бы из того, что социалистические программы, которые строились на марксизме, не содержат никакой диктатуры пролетариата. Ни в одной социалистической программе, основанной на марксизме, нет никакого упоминания о диктатуре пролетариата. Его нет и в программе «Группы освобождения труда». Только в социалдемократической программе, представленной Второму съезду, появилось требование диктатуры пролетариата. Но, как это с гордостью заявляют большевики, этот пункт был введен по настоянию Ленина, и, конечно, участники съезда были виноваты, что они не устранили это требование, хотя уже на съезде Акимов доказывал полную несовместимость этого требования с марксизмом.

Я уже отметил, что ни в одной социалдемократической программе нет требования диктатуры пролетариата, а оно, конечно, было бы, если оно в какой-либо степени составляло органическую часть марксизма. Но есть еще более показательная иллюстрация, о которой также упомянул уже Р. Абрамович. Устав и адрес Первого Интернационала были написаны Марксом. Это был устав для международной рабочей организации, открыто ставящей своею целью революционный переворот. Но ни в этом уставе, ни в адресе, не только нет ни слова о диктатуре пролетариата, но есть нечто более показательное и лучше горсти надерганных цитат характеризующее политическую позицию Маркса и его отношение к демократии. Маркс высказывает здесь убеждение, что в странах глубокой и подлинной демократии, как Англия и Америка, переход к социалистическому строю может совершиться мирным путем, без всякой революции. Что значат эти слова? Они показывают, что Маркс считал демократию путем к устроению социалистического общества ,и если порою он в очень редких случаях заговаривал о диктатуре пролетариата, то не потому, что он не верил в демократию, а потому, что считал, что в европейских буржуазных странах нет настоящей демократии. Там же, где она есть, как в Америке и Англии, не нужны ни революции, ни диктатуры пролетариата. Можно ли это считать разочарованием в демократических путях, или как-раз наоборот: твердой верой в подлинную демократию? Думаю, что последнее.

Я уже отметил, что до Парижской коммуны перед глазами Маркса нигде и никогда не было примера диктатуры пролетариата. И диктатура пролетариата, когда о ней заговаривали, представлялась весьма туманным пятном. Но пришла Парижская коммуна, и появился живой образец диктатуры пролетариата. И Энгельс, в предисловии к «Гражданской войне во Франции», восклицает: «В последнее время филистер снова стал обнаруживать ужас при словах «диктатура пролетариата». Хотите ли знать, милостивые государи, что такое диктатура пролетариата? Всмотритесь в Парижскую коммуну. Это была диктатура пролетариата».

Эти слова впервые позволяют на конкретном примере, а не на вырвавшихся словах, убедиться, что же понимал Маркс под диктатурой. По совету Энгельса, обратимся к Парижской коммуне и пониманию ее Марксом. Маркс писал: «Рабочий класс не требовал чудес от коммуны. Она не должна была немедленно осуществить какую-нибудь утопию. Рабочий класс знает, что для его освобождения и для достижения более высоких форм общественной жизни нужно пройти целый ряд исторических процессов, которые должны совершенно изменить и обстановку и природу людей. Коммуна не гналась за осуществлением идеалов, а должна была дать свободу имеющимся уже элементам нового общества, развившимся в недрах перезревающего капитализма».

Так вот он, образец диктатуры пролетариата, как ее понимал Маркс! Но дальше — больше. Коммуна была организована на основе **всеобщего** избирательного права и была проникнута глубоким гуманизмом. Она избегала применения террора. Маркс даже упрекал ее за то, что она не захватила государственный банк и не двинулась на Версаль, где находились реакционные войска.

Но при этом Маркс, в отличие от Ленина и Троцкого, не только не порицал коммуну, этот прообраз диктатуры, за ее гуманность и отказ от террористических расправ, но, наоборот, он старался оправдать, как вынужденную самооборону, те единичные меры террора, к которым прибегла коммуна в ответ на массовый террор Тьера.

Маркс с глубоким сочувствием пишет, что «умеренность коммуны в продолжение двухмесячного неоспоримого ее господства может сравниться только с геройством ее защитников. С 18 марта до вторжения версальских войск в Париж, революция пролетариата была так чиста от всяких насилий, которыми изобилуют революции, в особенности контр-революции высших классов, что враги ее не могли взвести на нее никакого другого обвинения, кроме обвинения в убийстве генералов Леконта и Тома и в стычке на Вандомской площади». Но эти генералы отдали приказ стрелять в безоружную толпу рабочих и были убиты солдатами...

Вот тот единственный образец диктатуры пролетариата, который признавали Маркс и Энгельс. Что общего у него с советским монстром?

Правда, когда коммуна была зверски подавлена, и 30.000 ее защитников и рабочих были расстреляны или отправлены на каторгу, Маркс в гневе писал, что нельзя совершенствовать государственную машину, а надо ее сломать. И тут он выражался очень туманно, но во всяком случае вызвано это было зверскою расправою представителей буржуазного правительства.

Эти вырвавшиеся у Маркса слова, конечно, подали

повод к разным толкованиям, и на них Ленин построил значительную часть своей теории государства. Слова сказаны были неосторожно, но опять же характерны для Маркса не они, а его определение и пояснение на конкретном примере Парижской коммуны, что он понимал под диктатурой.

В заключение я должен остановиться на странном утверждении М. Вишняка, доказывающего ошибочность «излюбленной марксистской схемы», утверждающей, что крестьянство пошло за Лениным и сыграло решающую роль в Октябрьском перевороте, и будто бы Ленин был гораздо бриже к исторической истине, отрицая эту «марксистскую схему».

Удивительное утверждение со стороны человека, близко участвовавшего в борьбе и цитирующего Ленина. Ведь это просто исторический факт, а не цитата и не «излюбленная марксистская схема». М. Вишняк совершенно зря привлекает в свидетели Ленина, говорившего как раз противоположное тому, что утверждает М. Вишняк. Причем Ленин, да и все, знали, что нельзя отделять армию от крестьянства, так как и в армии преобладали и играли решающую роль крестьяне. Ленин долгие годы издевался над аграрной программой эс-эров, но, называя ее невежественной и авантюристической, он уже в 1905 году, когда запылали помещичьи усадьбы, сообразил, что с помощью этой «невежественной» программы можно поднять и повести за собою крестьянство. И даже напечатал об этом неожиданную статью в большевистской «Новой Жизни». И уже на Лондонском социалдемократическом съезде 1907 года Мартынов говорил, что Ленин экспроприирует у эс-эров аграрную программу. Ну, а в Октябрьской революции Ленин делал это совершенно открыто и откровенно в этом сознавался. Тут, к великому соблазну крестьян землею, присоединилось у Ленина и искушение крестьян немедленным миром. И в глазах Ленина крестьянин уже проголосовал за мир. Радек в своих «Портретах и памфлетах» рассказывает: «Я не забуду никогда своего разговора с Ильичем перед заключением Брестского мира. «Войну должен вести мужик. Разве вы не видите, что мужик голосовал против войны?» — «Позвольте, как это — голосовал?» — «Ногами голосовал: он бежит с фронта». И этим дело для него было решено».

Присоединив лозунг немедленного мира к лозунгу немедленной земли, Ленин привлек этим на свою сторону крестьян и «сим победил» В полную противоположность тому, что с одной цитатой в руках, неправильно истолкованной, утверждает М. Вишняк, я могу привести целый букет цитат, неоспоримо доказывающих, что Ленин не только сознавал, но и много раз заявлял, что большевики победили, экспроприировав у эс-эров их аграрную программу.

На 3 конгрессе Коммунистического Интернационала 12 июля 1921 г. Ленин говорил: «Почему мы победили? Мы победили потому, что приняли не нашу аграрную программу, а социалистов-революционеров, и осуществили программу эс-эров. Вот почему эта победа была так легка. Девять десятых крестьянской массы в течение нескольких недель перешло на нашу сторону».

К числу благоприятных условий Октябрьской революции, — говорит в другом месте Ленин, — надо отнести то, что «партия пролетариата взяла революционные требования у партии крестьян, у эс-эровской партии, резко враждебной в большинстве своем большевикам». (Собр. соч., т. 25, стр. 205).

Комментируя 26-го октября декрет о земле, Ленин говорил: «Здесь раздаются голоса, что наказ и самый декрет составлены эс-эрами. Пусть так. Не все ли равно, кем они составлены?».

И Ленину всецело вторит Троцкий: «Десятилетия борьбы против мелко-буржуазного народничества, — пишет Троцкий, — позволили большевизму в решающий момент, т.-е. в момент открытой борьбы за власть, одним ударом уничтожить эс-эров, завладев их аграрной программой и поведя за собою крестьянские массы. Эта политика экспроприации эс-эров была необходимой предпосылкой экономической экспроприации помещиков и буржуазии». (Троцкий. «Пять лет Коминтерна», М. 1924, стр. XVI).

Так что дело и в действительности, и по цитатам было как раз противоположным утверждению М. Вишняка.

Резюмируя все сказанное, должен признать, что формально, юридически, М. Вишняк имел право утверждать, что у Маркса встречаются места, звучащие по большевистски. Но только места эти не характеризуют марксизм, а ему противоречат. Великой и непреходящей заслугой Маркса остаются не случайные отклонения от социалистического реализма, от борьбы с социалистическим утопизмом, авантюризмом и революционной спекуляцией, а последовательная верность этим принципам. Не следует, далее, забывать, что многие основные произведения Маркса написаны были сто лет тому назад и, конечно, во многих местах устарели. В книге «Карл Маркс и его время», вышедшей в 1908 г., мне пришлось уже тогда указывать на эти омертвевшие и устаревшие части в произведениях Маркса. А ведь с тех пор произошли катастрофические события и произошел прежде всего большевизм, и он один заставляет передумать, изменить все наши прежние представления о социалистическом движении и о самой социальной структуре, коренным образом изменившейся.

НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА 1951-й ГОД!

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Подписную плату надлежит переводить почтовыми переводами или чеками на Нью-Йорк, выписывая их на имя «The Socialist Courier».

Б. ДВИНОВ.

ИЗ ИСТОРИИ ВТОРОЙ ВОЙНЫ

(О СЕПАРАТНОМ МИРЕ)

Вторая мировая война была демократией выиграна, а мир проигран. Как это случилось? Где, когда и кем был произведен трагический «просчет»? Мысль демократии постоянно возвращается к этому мучительному вопросу.

Сейчас его вновь поставил — и дал на него свой ответ — бывший пом. Государственного Секретаря США Сомнер Веллс в статье, помещенной в январской книжке «Форейн Афферс» и являющейся главой из подготовляемой к печати книги.

Веллс приходит к выводу, что роковая по своим последствиям ошибка была допущена Рузвельтом в 1942-43 г. г., когда авторитет США стоял недосягаемо высоко, и помощь Америки Советскому Союзу была совершенно необходима, а между тем Рузвельт не воспользовался этим для того, чтобы договориться со Сталиным о целях войны, границах и других спорных вопросах. «Если бы, — заключает он, — президент решил в 1942 г. настоять на создании Совета ОН, который поставил бы своей задачей найти разрешение политических и территориальных вопросов еще до окончания войны», то никакие Тегераны, Ялты или Потсдамы не были бы нам страшны.

Это и предлагал, по его словам, Сомнер Веллс Рузвельту в начале войны. Но президент отверг это предложение. «Отказ находился в соответствии с советами «Объединенного штаба», Государственного Секретаря Кордела Холла и большинства советников Белого Дома. Такова же была и точка зрения Черчилля. Рузвельт принял свое решение в убеждении, что в качестве верховного главнокомандующего его главнейшей обязанностью является не допустить ничего, что ставило бы под риск выигрыш войны». Так пишет Сомнер Веллс.

В чем же мог заключаться этот риск? Опасность заключалась в том, что Сталин мог пойти на сепаратный мир с Германией. Этот страх преследовал союзников во все время войны, начиная с сентября 1941 и по февраль 1945 года. Тот же страх, однако, преследовал и Сталина: а вдруг союзники заключат сепаратный мир с Гитлером за его счет? Любопытно, поэтому, ближе присмотреться к этому фактору, к этому обоюдному страху, который накладывал свою печать на всю политику во время войны.

Подозрительность Сталина вытекала из его априорного недоверия к «капиталистам», да еще к такому «бульдогу», как Черчилль, известному своей враждой к коммунизму. По логике Сталина, Черчилль и Рузвельт обязательно «должны были» его предать при первой возможности.

С другой стороны, союзники постоянно помнили и вспоминали не только старый Брест-Литовский мир с Вильгельмом, но и совсем еще недавний пакт с Гитлером. Если диктаторы смогли столь внезапно и легко заключить в 1939 году «кровью спаянный пакт дружбы», то почему бы им не повторить это и сейчас?

Интересно отметить, что уже в сентябре 1941 года «Гитлер сказал фон Папену, что после того, как будет достигнута известная линия (в России), мы, вероятно, сможем сговориться со Сталиным» (1). Значит, психологически это было вполне возможно. Психологически эти два диктатора уважали друг друга, друг друга хорошо понимали, и нет ничего удивительного в том, что Риббентроп, по его словам, «чувствовал себя как среди старых партийных товарищей» в Москве, на прогулке у Сталина.

Однако, союзники упустили из виду одно немаловажное обстоятельство, на которое **сейчас** указывает в своей статье Сомнер Веллс:

«Но в это время Сталин ни в какой мере не пользовался популярностью предвоенных лет, а сепаратный мир был бы чрезвычайно непопулярен в русском народе, который был охвачен тогда дикой ненавистью (к немцам) за разрушение его страны и практикуемые нами зверства». («Форейн Афферс», № 1, стр. 194).

В «популярности» Сталина **до** войны позволительно усомниться, но что психологическое состояние русских людей во время войны делало заключение сепаратного мира с Гитлером маловероятным и почти невозможным, — это несомненно. Но это, повидимому, стало в Вашингтоне ясно только **после** войны. Во время войны Веллс этим не аргументировал.

Памятен тот разгул пропаганды и подозрений, которые Сталин развил в отношении союзников в связи с полетом Гесса в Англию. Сталину этот полет показался верным признаком готовящегося «предательства». Он требовал немедленного суда над Гессом. Но так как Черчиллю советский ход мыслей был совершенно непостижим, то он в свою очередь заподозрил Сталина. 21-го октября 1942 г. он писал своему министру иностранных дел Идену: «Вы должны помнить, что большевики подкопали много больших государств путем лжи и махинаций своей пропаганды. Они, повидимому, думают, что могут своими методами произвести впечатление и на нас» (2).

Характерно, что у союзников «комплекс страха» перед сепаратным миром начался тогда, когда положение Кремля было еще весьма трагическим. Но и в этом своем положении Сталин уже в декабре 1941 г. настойчиво потребовал от Идена (в Москве) признания границ СССР, какими они были накануне нападения Гитлера, т. е. санкционирования захвата Прибалтики и части Польши. И Рузвельт, и Черчилль были категорически против этого, Идену были посланы соответствующие инструкции, и в требовании было отказано.

«Но немедленно после возвращения Идена в Лондон Молотов вновь начал на него давить, и из донесений Идена вытекало, что он полагает нужным согласиться на эти требования, если только англо-американцы не хотят итти на риск разрыва с Советами и заключения ими с Германией сепаратного мира» (3).

Таким образом, страх сепаратного мира стоял перед глазами союзников уже в самом начале войны, а в марте 1942 г., в связи с улучшением положения на фронте, нажим Москвы усилился, и Черчилль признается, что, принимая во внимание наши неудачи на фронтах,

---

(1) Von Hassel's Diary, стр. 216.
(2) Winston S. Churchill, "The Hinge of Fate", стр. 581.
(3) Summer Welles, Foreign Affairs No. 2, 1951, стр. 184-5.

чувствовал себя не в силах настоять на своем (4). Так велик был страх.

Рузвельт, однако, воспротивился уступке Прибалтики и столь кричащему нарушению принципов только что подписанной Атлантической Хартии. Атака Сталина была отбита. Но страх о возможности сепаратного мира твердо осел в подсознании до конца войны.

Вообще, о сепаратном мире толки шли довольно широко. Интересно отметить, что в эти же дни, под 6 марта 1942 г., Геббельс занес в свой дневник: «В нейтральных странах идут толки о возможности сепаратного мира с Советской Россией. В Лондоне уже волнуются по этому вопросу. Но страх этот совершенно необоснован. Советский Союз должен быть и будет разбит, сколько бы это ни продолжалось. Положение созрело, принимая во внимание наше положение, мы не можем отказаться от этой цели»

Но времена меняются — и спустя год начинает меняться и психология Геббельса. Это было уже после сталинградского поражения. О том, что в Германии отдавали себе отчет в значении этого события, можно судить по записи в дневнике бывшего германского посла фон Хасселя от 26 ноября 1942 г.: «Сталинград начинает играть ту же роль, что и Верден» (во время первой мировой войны) (5).

К этому времени относится и запись бывшего статс-секретаря по иностранным делам Рейха Вейцзакера: «В середине ноября 1942 г. в обществе пошли широко толки о том, что война проиграна, что Восточная Пруссия станет польской или русской провинцией и что Германии грозит расчленение. А в семейных кружках дискутировался вопрос: ориентироваться ли на Восток или на Запад? И, тем не менее, еще в декабре 1942 г. Гитлер отверг мысль о нащупывании мира с Россией»(6). Битва у Сталинграда была еще в разгаре, и исход мог казаться Гитлеру неясным.

Вторая запись фон Хасселя относится к 14 февраля 1943 года, когда эта решающая операция была уже закончена:

«Последние несколько недель принесли нам самый серьезный кризис, который мы когда-либо испытали в войне, вернее: первый реальный кризис... кризис Германии. Он символизируется одним именем: Сталинград» (7).

Вот этим «кризисом Германии» и вызвана, повидимому, запись Геббельса в его «Дневнике» от 30 апреля 1943 года, которая имеет совсем другой тон:

«Всюду подозревают, что наша пропаганда по делу Катыни преследует цель сепаратного мира с Англией или с Советами. Это, конечно, не является нашей целью, хотя такая возможность была бы, конечно, весьма приятна».

Эта «приятная возможность», видим, очень щекотала нервы, и спустя неделю, 8-го мая 1943 г., Геббельс возвращается к этой теме: «Практически фюрер не видит никакой возможности компромисса с Советами», меланхолически замечает он. Значит, вопрос все-таки обсуждался. Вспомним, что это было уже после провала миссии Гесса в Англии.

Прошло еще четыре месяца, чаша весов явно склонилась в пользу союзников, и 10-го сентября 1943 г. Геббельс пишет: «Я спросил фюрера, можно ли будет раньше или позже, как-нибудь поладить со Сталиным. Разумеется, ввиду критического положения на Востоке. Фюрер полагает, что легче будет столковаться с Англией, нежели с Советами».

«Лично мне кажется, что легче сговориться со Сталиным, ибо Сталин более практический политик, нежели Черчилль. Черчилль — романтический авантюрист, с которым невозможно серьезно говорить. Раньше или позже перед нами встанет вопрос: склониться в одну или другую сторону... Долго продолжать так будет невозможно», признается он и утешает себя мыслью, что когда англичане поймут, что перед ними выбор: большевизм или национал-социализм, то они, конечно, предпочтут последний.

Но, видимо, он не очень был уверен в этом, ибо спустя 10 дней, — 20-го сентября 1943 г. — он записывает: «В нейтральных странах не понимают, каким образом наш боевой дух так низко пал за эти летние месяцы, что мы отступаем по всему фронту. Многие склонны видеть в этом тактический маневр, который имеет своей целью заключение сепаратного мира с Советами. Лично я не могу себе представить, как этого достигнуть».

Таким образом, совершенно ясно, что Гитлер лихорадочно искал лазейку для сепаратного мира с какой угодно стороной, что вряд ли оставалось тайной. Начиная с сентября 1943 г. эта мысль уже не оставляет Гитлера и Геббельса. 23-го сентября Геббельс пишет: «Я спросил фюрера, готов-ли он вступить в переговоры с Черчиллем, или он это принципиально отвергает. Фюрер ответил, что в политике нет принципов в вопросе о личностях. Но он не верит, что переговоры с Черчиллем могут привести к какому-либо результату, ибо тот слишком враждебно настроен и руководится не разумом, а ненавистью. Фюрер предпочел бы сговор со Сталиным, но он не верит в успех, ибо Сталин не сможет уступить то, чего Гитлер требует на Востоке. Однако, каково бы ни было положение, я сказал фюреру, что мы вынуждены прийти к соглашению с одной или другой стороной... **Лично** мы также жаждем мира. Фюрер это подчеркнул».

«Сомнительно, — продолжает он, — чтобы мы могли выбирать между Россией и Англией. Если бы мы и в самом деле имели выбор, то мы, конечно, предпочли бы разговаривать с Лондоном, чем с Москвой». И Геббельс поясняет: «Всегда легче договорится с демократическими государствами. Раз мир заключен, то такое государство уж не возьмется за меч по крайней мере в течение 20 лет... Совсем другое дело — большевики. Благодаря своей туго-увязанной системе, они в состоянии начать войну в любое время» *).

---

(4) Черчилль, там-же, стр. 326.
(5) Von Hassel's Diary, стр. 272.
(6) Ernst von Weizsacker: "Erinnerungen", стр. 340.
(7) Von Hassel, стр. 284.

*) В начале 1948 года, когда совето-американские отношения вконец испортились, и Вашингтоном была опубликована книга: "Наци-советские отношения", Кремль выступил в печати с открытым обвинением в поисках сепаратного мира с Гитлером: США — в 1943 г., а Великобритания — в 1941 г. Согласно этому обвинению, Аллен Доллес, возглавлявший тогда в Швейцарии американский отдел борьбы со шпиона-

Нужно отдать Геббельсу справедливость: он точно оценивал положение.

Эти настроения гитлеровского Олимпа должны были, конечно, стать широко известными, раз наши искали эти возможности. И все это, разумеется, доходило и до Вашингтона, а здесь это принимало очертания уже готовящегося сепаратного мира между Гитлером и Сталиным.

Роберт Шервуд в своей известной книге пишет:

«Была (в Вашингтоне) постоянная фракция, особенно сильно представленная в Государственном Департаменте, которая была уверена, что Советы заключат сепаратный мир с Германией, как они это сделали в Брест-Литовске в 1918 г., и вновь в августе 1939-го года, подписав Молотов-Риббентроповский пакт о ненападении» (8).

Как бы то ни было, 26-го сентября 1943 г. Геббельс отмечает в своем «Дневнике»: «Из Мадрида приходят слухи о переговорах с Москвой о сепаратном мире, в которых, разумеется, нет ни слова правды, но которые значительно освещают общее положение».

Вполне возможно, что эти слухи распространял сам Геббельс, «зондируя» почву. Помимо того, в это время готовилось совещание в Москве с участием Государственного Секретаря Кордел Холла и министра ин. дел Англии Идена, и немцы могли пытаться этими ложными слухами сорвать это совещание, которое началось 18-го октября.

Однако, не только Берлин муссировал эти слухи, — имеются указания на то, что и Сталин от поры до времени играл на карте сепаратного мира.

Черчилль передает свой разговор с Молотовым 22-го мая 1942 г. во время пребывания последнего в Лондоне. На замечание Черчилля, что атака немцев в этом году не может быть столь опасна, как в 1941 г., Молотов спросил: «А каковы будут позиция и поведение правительства Великобритании, в случае, если советская армия не выдержит в 1942 г.?»

Намек был прозрачен.

Известно, что как только Черчилль обещал помощь СССР, Кремль начал требовать присылки не только снабжения, но и дивизий на русский фронт и создания «второго фронта немедленно». Это было физически невыполнимо. Возможно, что Сталину это было и впрямь непонятно, но он начал отпускать двусмысленные словечки. Так, 23-го июля 1942 г. он телеграфировал Черчиллю: «Что касается создания второго фронта в Европе, то я боюсь, что он трактуется не с той серьезностью, которой заслуживает. Принимая в расчет настоящее положение совето-германского фронта, я должен самым торжественным образом заявить, что советское правительство не может согласиться на отсрочку открытия второго фронта в Европе до 1943 года» (10). Тон явно угрожающий: ибо что значит «не может согласиться»?

Ту же двусмысленность он допускал в своих вопросах и при личных беседах, интересуясь, как бы невзначай: «А что будет, если мы не выдержим?»

После знаменитого полета Гесса в Англию Черчилль пишет:

«Атмосфера пропитана тяжелыми подозрениями. Московская пресса сделала из гессовского инцидента большую и запоздалую игру. 15-го октября Молотов в публичной речи требовал немедленного суда над Гессом, как военным преступником. 27-го октября руководящая советская газета раскрывала «махинации дядя Астор» и «кливлендской клики», которые будто бы работают в пользу сепаратного мира» (11).

В этой обстановке взаимного заподазривания прошла вся война.

Мы не знаем, конечно, отвечает ли действительности следующая запись Геббельса от 12-го ноября 1943 г. по поводу московского совещания: «Я узнал через Лиссабон из весьма осведомленного источника, что Сталин аргументировал на московской конференции тем, что он уже потерял 16 миллионов человек, что он не может продолжать войну без второго фронта и что он решил заключить сепаратный мир с Рейхом, если Англия и США не окажут ему немедленной помощи». Геббельс повторяет эту версию и на следующий день, утверждая, что он «получил секретные сведения» о московской конференции.

Сомнительно, чтобы Сталин говорил на конференции в столь грубой форме, но что он так шантажировал союзников, не подлежит сомнению.

Памятна наделавшая столько шума телеграмма «специального корреспондента» из Каира, напечатанная в «Правде» 17 января 1944 г. о том, что там ведутся переговоры о сепаратном мире между Англией и Германией. Нужды нет, что никакого «специального» и неспециального корреспондента у «Правды» в Каире не было, и никакой телеграммы отправлено, вообще, не было. Это нисколько не помешало шантажу Сталина.

Это взаимное недоверие, заподазривания и слухи не прекращались до самого конца войны. Еще 12-го июня 1944 г. фон Хассель записывает:

«Иессен (проф. Берлинского университета, видный участник заговора против Гитлера, арестован и казнен после 20 июля 1944 г.) сообщает, что Гитлер и Гиммлер — независимо друг от друга — пытались прощупать Стетиниуса. Ответа не было». (12).

Достоверно известны только те попытки, которые предпринял Гиммлер к концу войны за спиною своего «фюрера», но это было значительно позже. А недавно стали достоверно известны еще следующие попытки Гитлера добиться сепаратного мира (о них рассказывает Вейцзакер):

«В сентябре 1944 г. была сделана в Ватикане, через

жем, вел, "по прямому распоряжению Белого Дома", переговоры с принцем Максом Гогенлоэ, а сын лорда Биверброка, Макс Эйткин, вел в 1941 г. в Португалии переговоры с каким-то венгерцем Густавом Кевером.

Само собой разумеется, что во всем этом нет ни слова правды. Из приведенных в этой статье выписок из "Дневника" Геббельса можно легко видеть, как, начиная с 1943 года, после Сталинграда, наци мечтали о таком сепаратном мире, но дальше их мечтаний дело не шло. Подробно на этом я здесь остановиться не могу.

(8) Robert E. Sherwood: "Roosevelt and Hopkins", стр. 400.
(9) W. S. Churchill, там-же, стр. 335.

(10) Там-же, стр. 271.
(11) Там-же, стр. 581.
(12) Von Hassel's Diary, стр. 347.

Мадрид, попытка нащупать возможность заключения мира. Инициатором ее, как предполагают, был фон Папен. Содержание этой попытки таково: сохранение на Западе границ 1939 года. В случае же отказа — угроза ориентации на Восток, на основе, будто бы, весьма заманчивого предложения Сталина» (13).

«И еще только раз, в начале 1945 года, такая же политическая акция была предпринята по указанию Риббентропа. Предложение гласило: союзники должны приостановить на Западе военные действия на суше и в воздухе; в противном случае Гитлер переменит свой курс и добровольно сам большевизирует Германию».

Вейцзакер говорит, что он использовал этот случай для того, чтобы объяснить ставке, что «без перемен в личном составе никакие разговоры невозможны».

Даже в дни Ялты, в феврале 1945 г., когда война была уже на исходе, призрак сепаратного мира все еще стоял перед глазами и Сталина, и Рузвельта. Присутствовавший в Ялте на конференции начальник штаба президента адмирал Лехи отметил 5-го февраля, что «об этом никогда не было упомянуто, но мы знали, что русских никогда не оставлял страх, что немцы заключат с США и Англией сепаратный мир» (14).

А вскоре после Ялты нарыв лопнул. Здесь не место останавливаться на всех перипетиях этого дела. Вкратце: немецкий СС генерал Вольф предложил союзникам сдачу германской армии, находящейся в Италии. Для этого он должен был приехать на свидание с представителями союзного командования в Швейцарию. Молотов потребовал, чтобы при этом присутствовали представители Советов. Тем временем Гитлер сменил командование в Италии, и Вольф не приехал. Рузвельт осведомил об этом Сталина и полагал, что вопрос исчерпан. Но не тут-то было. В ответ Сталин ему телеграфировал: «все мои военные коллеги... не сомневаются в том, что переговоры имели место и что они привели к соглашению... Немцы открывают ворота англо-американцам и в то же время воюют с нами» (14).

Мы видим, таким образом, что тень сепаратного мира незримо давила во все время войны. А это, разумеется, не могло не отразиться на политических действиях союзников.

Мы не очень уверены, особенно в свете последних событий, в том, что если бы президент Рузвельт послушался в свое время совета Сомнер Веллса и ему удалось бы подписать со Сталиным точные условия послевоенного мира, то положение сейчас было бы лучшим. Для Сталина важна не подпись, а дивизии. К проигрышу мира привело не отсутствие соглашения, а форсированное разоружение США и Англии. Войну американцы рассматривали, как своего рода спортивное событие, как игру в бейзбол или футбол: игра кончилась, пункты все подсчитаны, победитель объявлен, так чего же ждать? Марш по домам! Именно это сделало возможным столь быстрое нарастание кризиса.

Демократии разоружились, забыв совершенно, что в лице Сталина они имеют дело с главой самого «реалистического» режима в мире, который считается только с материальной силой. Последствия этой ошибки теперь налицо.

---

(13) Weizsacker, там-же, стр. 373-4.
(14) William D. Leahy: "I was there", стр. 301 и 332-4.

В. АЛЕКСАНДРОВА

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

ПРАВДА ВООБРАЖАЕМОГО РАЗГОВОРА

Знакомясь с новинками послевоенной литературы и с откликами на них советских критиков и читателей, нетрудно заметить, что «человек с войны», перед которым в конце 1945 и в начале 1946 года критики так широко открывали двери, не только не занял «руководящего места» в жизни, но очень скоро растворился в массе партийцев, руководителей хозяйственной жизни и молодежи, которая по молодости лет не успела принять участия в войне. Конечно, и среди этих партийцев и хозяйственников немало бывших фронтовиков, но эта черта в их биографии явно затушевывается, и авторы вспоминают о ней нередко лишь описывая какое-нибудь торжество, на котором бывший фронтовик появляется в гимнастерке, украшенной военными наградами.

Эта маленькая, но характерная подробность ярко передана в романе ленинградского писателя Вс. Кочетова «Под небом родины». Ее герой, молодой агроном Лаврентьев, уже около года работает в селе Воскресенском. По случаю празднования годовщины Советской Армии, он надел свой старый китель с наградами. Когда он поднимался на трибуну, он вдруг услышал одобрительный гул и не сразу понял, в чем дело: «Он совсем забыл, что, как все фронтовики, для торжественного дня он нарядился в старенький китель, на котором были прикреплены его награды». Вот люди и «ахнули»: «кто мог подумать — у агронома семь орденов!» Вместе с радостью Лаврентьев испытал чувство растерянности: «Приветствуют минувшие заслуги... А где же агроном Лаврентьев?» Он весь ушел в текущую работу, но здесь он только «маленький винтик в большой машине», которого «меньше всего можно было приветствовать».

Еще характернее, пожалуй, сцена в правлении колхоза, во время которой Лаврентьев встречается с другим фронтовиком, Павлом Дремовым, пренебрежительно отзывающемся о тыловых людях: Лаврентьев выступает защитником работы этих людей. Кстати, силуэт разочарованного фронтовика, «разбалованного» званием военного героя, с трудом находящего место в мирной жизни и огрызающегося по поводу «политграмоты», внушаемой ему добродетельными партийцами, часто мелькал в произведениях двух первых лет после войны; не вывелся он еще и по сей день.

Чистка 1946 года не только обрушилась на «космополитов», «либералов» и «низкопоклонников перед гнилым Западом», она сняла с литературной повестки дня и «человека с войны», заставив его затеряться в массе людей, всецело поглощенных осуществлением послевоенной пятилетки. Еще в гораздо большей степени, чем это было до войны, содержание беллетристики приобрело какой-то лакированно-дидактический налет. И все-же многим писателям удалось в своих произведениях передать что-то новое из жизни послевоенного общества. Этим новым является прежде всего вспыхнувшая с боль-

шой силой еще в начале тяжкого периода войны потребность людей говорить. Эта потребность не исчезла и после окончания войны. Больше того: косвенно она даже сказывается на структуре послевоенных произведений. Вот только несколько примеров. В повести В. Овечкина «С фронтовым приветом» роль фабулы играют разговоры, которые слышит в поезде и дома в деревне капитан Спивак. В нашумевшей повести К. Симонова «Дым отечества», в сущности, нет сюжета, роль волнующей интриги здесь играет словесная дуэль между беспартийным инженером-строителем Кондрашовым и его официальным оппонентом коммунистом Петром Басаргиным, недавно вернувшимся из заграничной командировки в США. Так же трудно поддается пересказу содержание романа В. Пановой «Кружилиха», если оставить в стороне страстный спор, происходящий между задавленным жизнью и обстоятельствами председателем завкома Уздечкиным и его счастливым и преуспевающим противником, директором завода Листопадом. И то же относится к роману Вл. Добровольского «Женя Маслова», к роману «Студенты» Юрия Трифонова, к повести Вс. Кочетова «Под небом родины». Сюжеты всех этих произведений — вялы и шаблонны. Волнуют в них не любовная завязка, не производственные «достижения» и не авторские выспренные отступления о «нашей замечательной эпохе», а тяжба, происходящая между обладающими всеми полагающимися по штату добродетелями «положительными» героями и официально заклейменными, но в действительности мужественно отстаивающими свою правду «отрицательными» героями.

В этом еще больше убеждает разбор тем, их диалогов и разговоров. Они вовсе не посвящены проблемам «текущего дня», а сплошь и рядом соседствуют с вечными вопросами. Пановский Уздечкин, этот первый советский вариант Акакия Акакиевича, упрекает Листопада в том, что он берет у жизни гораздо больше, чем дает людям своего времени. Хотя беспартийному инженеру Кондрашову грозит новое понижение по службе за то, что он придерживается старого правила «рука руку моет», он не смущается от упреков Басаргина и сам переходит в наступление, «не без вызова» говоря ему: «Поеду, несмотря на выходной. Кину свой капиталистический взгляд на нашу социалистическую стройку. А то десятник у меня там молодой, как бы не наворочал чего...» Называя Басаргина «проповедником», Кондрашов с каким-то «сочувствием» отмечает основной недостаток таких людей, как Басаргин: «Не умеешь быть хозяином своей жизни. Что хотят, то с тобой и делают...» Профессор Яхонтов в романе Добровольского («Женя Маслова») не скрывает своего отталкивания от практицизма профессора-коммуниста Деревянко и славит подвиг одинокого ученого, влюбленного в науку.

Эта внутренняя независимость «отрицательных» героев, так отличающая их от их довоенных литературных родственников и делающая их такими убедительными и отчасти привлекательными, — каждый раз подвергается осуждению критиков. Они рассматривают таких «отрицательных» героев как «неудачу» писателя, не сумевшего убедительно разоблачить в отрицательном персонаже «враждебную нам идеологию». Читателей, однако, эти вопли критиков оставляют равнодушными. Их интересует совсем другая сторона вопроса.

Обилие диалогов и разговоров на «вечные темы» в послевоенной литературе волью или невольно смягчает представление о реальной жизни послесоветского общества. Но было бы ошибкой на основании таких разговоров заключать о тесной связи писателей с их современниками. Совсем недавно это нечаянно подтвердил автор романа «Кавалер золотой звезды» Семен Бабаевский. В статье «Советский человек», опубликованной в «Правде» (от 31-го декабря), писатель рассказал, что незадолго до Нового года ему случилось приехать в казачью станицу на заседание станичного совета. За поздним временем Бабаевский решил заночевать в станице, и посыльный станичного совета проводил писателя к местному агитатору Андрею Митрофановичу. По дороге посыльный сокрушался, что в доме агитатора Бабаевский едва ли сможет отдохнуть, так как дом этот известен как «сильно беспокойный»: другие агитаторы собирают людей по определенным дням, а у Андрея Митрофановича народ толчется днем и ночью. Но Бабаевский обрадовался: «Кто из нас, писателей, не охотник до бесед и задушевных разговоров, — иного хлебом не корми, а только дай послушать». Войдя в сени, Бабаевский сразу услышал доносившиеся из комнаты оживленные голоса, но стоило ему открыть дверь, как «мое появление оборвало беседу на полуслове, и начать ее заново или возобновить было невозможно». Приумолк даже сам агитатор. Когда публика разошлась, Бабаевский спросил у Андрея Митрофановича, о чем же они так оживленно беседовали. Но агитатор ответил уклончиво, говоря, что сам он коренной станичный житель, и к нему часто приходят люди, особенно в длинные зимние вечера и «разговор, конечно, бывает разный, но больше всего о жизни». Затем он добавил: «Сегодня мы немного затронули... нового атлантического вояку Эйзенхауэра. Заокеанским заправилам мало одного пса в Азии, так теперь Трумэн спустил еще одного специально для Западной Европы...» Легко догадаться, что что-то здесь не так: если речь действительно шла о поездке Эйзенхауэра в Европу и беседа велась в том тоне, в котором ее передал Андрей Митрофанович, совершенно непонятно, почему при появлении Бабаевского люди оборвали свою «беседу» «на полуслове»; ведь именно в таком стиле и пишутся статьи по вопросам иностранной политики в советской прессе. Вот почему естественно предположить, что, если люди беседовали о поездке Эйзенхауэра в Европу, они подняли вопрос о возможности новой войны и высказывали свои опасения. Но об этом благоразумно умолчали и Андрей Митрофанович, и Бабаевский.

Спорно также, в какой мере эти разговоры действительно так широко распространены. Во время дискуссии на одном из больших московских заводов, посвященной обсуждению романа Пановой «Кружилиха», выступавшие много говорили о конфликте

председателя комкома Уздечкина с директором Листопадом, доказывая, что в реальной жизни такие разговоры были бы немыслимы: ведь оба собеседника — члены компартии, оба занимают «ответственные посты» на заводе. Если бы в действительной жизни между ними возник такой конфликт, как он изображен в романе, «через неделю кто-нибудь из них был бы снят с работы». Снят был вероятнее всего несклонный Уздечкин, а не всесильный и преуспевающий Листопад.

Такие свидетельства сами по себе интересны, но они нисколько не снижают значения разговоров, которым отводится такое большое место в послевоенной беллетристике. Обилие этих, по всей вероятности, в большинстве случаев, «воображаемых» разговоров только подтверждает догадку о том, что что-то в послевоенной жизни изменилось и не встало на прежнее место. Это «что-то» и вынудило литературное начальство сделать в этом вопросе маленькую «уступку» и закрыть глаза на этот «разговор» в литературе, доносящий не только живые, но и по-разному звучащие голоса советских современников.

Когда подходишь к этим воображаемым разговорам с точки зрения психологической, убеждаешься в том, что они доносят не только «разные» голоса современников, но и растущее в стране отталкивание от официальной морали и возрастающее у беспартийных советских граждан чувство уверенности в себе и в своей правде...

ФРАНТИШЕК КОХУТ.

КОММУНИЗМ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

(СЛОВА И ДЕЛА)

В настоящее время чехословацкий пролетариат с ощущением нарастающего ужаса познает на своем собственном опыте критическую разницу между демагогической пропагандой коммунизма и его реальной сущностью. Если раньше чехословацкий рабочий, даже отрицательно относившийся к коммунизму, не мог не верить, что коммунистическая политика все-таки является пролетарской политикой, и что коммунизм, при всех его неприемлемых особенностях, все же — подлинная борьба за социализм, то теперь он силой вещей убеждается, что рабочий класс каждой страны в мире рассматривается советской великодержавной внешней политикой лишь как послушный инструмент. Правильно учитывая, что сосредоточенный в крупных промышленных центрах страны и имеющий в своих руках всю сложную и важную для народной жизни систему транспорта, рабочий класс, при всяком режиме, представляет собой самую главную силу современного общества, коммунизм на этом факте строит всю свою тактику в борьбе за власть. И только после того, как власть попадает в руки коммунистов, рабочие с изумлением вдруг узнают, что под ложным именем социализма и под громкими фразами о "власти рабочего класса" скрывается режим такого произвола и насилия, который стоит в самом кричащем противоречии с лозунгами и обещаниями коммунизма. Прежние иллюзии сменяются жестокой действительностью, при которой трудящийся оказывается беззащитной жертвой такой бесчеловечной социальной системы, которая его не только эксплоатирует, но и превращает в самого настоящего безгласного раба.

1. Национализация промышленности.

Когда по приказу из Москвы и под непосредственным руководством присланного оттуда Зорина коммунисты произвели в феврале 1948 г. свой "пражский путч", они немедленно же принялись, по заранее выработанной и уже многократно испытанной на практике системе, за ликвидацию всех существовавших в ЧСР, дотоле независимых, слоев населения. Повеля атаку против одного из них, они торжественно обещали всем остальным общественным группам широкую терпимость к их хозяйственным и общественным интересам. Но сломив сопротивление очередной группы и социально ее уничтожив, они принимались за следующую по порядку, которая только что в наивной доверчивости оставалась нейтральной или даже помогала коммунистам при ликвидации предыдущей.

Так, объявив национализацию крупных и средних предприятий, власть гарантировала мелким предпринимателям и ремесленникам, что эта мера вполне отвечает интересам последних и что "плановое социалистическое производство" остро нуждается в наличии мелких частных предприятий, которые своей свободной конкуренцией помешают обобществленному сектору "закостенеть" в обстановке полной монополии. Но, закончив первую стадию национализации и не запрещая прямо дальнейшее существование "частника", правительство "забрало" у него в государственную промышленность всех наемных рабочих. Мелким хозяевам не оставалось другого выхода, как итти со всем своим инвентарем в руководимые коммунистами "производственные кооперативы", — что являлось такой же экспроприацией, как национализация крупной промышленности. Кто упорствовал и пытался работать самостоятельно в одиночку или при помощи членов своей семьи, тому был прекращен отпуск материалов и сырья, а через два-три месяца таких привлекли к ответственности за "уклонение от производительного труда" и отправили в "трудовые лагеря".

Там уже их ждали десятки тысяч граждан, которые за свои прежние антикоммунистические убеждения были на другой день после переворота отстранены от работы на предприятиях и в государственных учреждениях. Им намеренно не давали возможности получить какое-либо другое занятие, чтобы дать право "комитетам действия" объявить их, после нескольких недель вынужденной безработицы, "уклоняющимся от полезной общественной деятельности элементом" и оправить в лагери принудительного труда за "саботаж народной демократии".

Таким же способом были ликвидированы частные торговцы, причем эта ликвидация средних слоев городского населения сопровождалась. для устрашения остальных, организацией "показательных процессов". Кое-где, как например, в Иглаве, несколько торговцев были публично казнены.

2. Аграрная реформа и коллективизация.

Подобный же процесс происходил и в деревне.

В Чехословакии, после проведения аграрной реформы еще в 1919 году, фактически не осталось никаких помещиков, но это не помешало коммунистам повести "классовую борьбу" против многоземельных крестьян и "деревенских богатеев", пользовавшихся уважением среди населения. Для устрашения крестьянской массы, по районам прокатилась волна "показательных процессов против саботажников и эксплоататоров". И сразу же после этого министерство земледелия предписало крестьянам передать весь свой сельско-хозяйственный инвентарь в "машинные кооперативы", руководство которыми было поручено партийцам. Дана была инструкция, чтобы поля "неблагонадежных" обслуживались неисправными ма-

шинами, дававшими постоянные аварии, или же в самую последнюю очередь. А потом, за "несвоевременное выполнение полевых работ "виновных" привлекали, как "саботажников и врагов народа" к суду и отбирали землю. Тех "неблагонадежных", которые каким-то чудом сумели избежать этой ловушки, облагали столь высокими нормами обязательной сдачи зерна и мяса государству, что они превышали производственные возможности их хозяйств. Последствия для "виновных" были те же.

Расправившись таким способом с зажиточной верхушкой деревни и терроризировав остальных, приступили к организации колхозов, но не рискнули дать им столь непопулярное название, заменив его «Jednotnà Zemêdêlska Druzstva» (JZD) — "Единые Земледельческие Кооперативы". В августе 1950 г. началась грандиозная кампания под лозунгом: "Распахать межи!". В деревню были посланы специально натренированные "ударные комиссии" с заданием "сломить влияние сельских богатеев". "Руде Право" — главный орган компартии, среди бесчисленных определений этой вредной категории, дает и такое: "сельский богатей" может даже не иметь своей земли, но это тот, кто отрицательно относится к народной демократии и пользуется авторитетом среди населения".

Кто знает любовь чешского крестьянина к своему полю, которое нередко, переходя от отца к сыну, оставалось достоянием одной и той же семьи на протяжении более 500 лет, тот поймет, какие нравственные муки переживает сейчас наше село. Неудивительно, что даже после двух лет застращивания приказ об уничтожении межи между крестьянскими владениями вызвал повсеместный открытый ропот. Крестьяне-партийцы, и те понимают, что дело идет о превращении независимого крестьянина-собственника в бесправного батрака, и явно этому не сочувствуют. Чтобы побороть последние попытки сопротивления этой мере со стороны всех подлинных крестьян без исключения, была проведена мобилизация безземельного деревенского населения, главным образом, рабочих соседних промышленных предприятий. Между ними-то и была распределена конфискованная у "богатеев" земля. После соответствующей "обработки" на своих фабриках, им-то и поручили "сломить влияние сельских богатеев".

Как протекает кампания коллективизации чехословацкой деревни, замаскированной под титулами "добровольного вступления в JZD", "хозяйственно-технической организации земли", "распашки меж" и "подготовки к совместному севу", можно судить по самой коммунистической печати. "Творба" от 27 сентября поместила статью Е. Фризовой, где сообщается, что 2.800 JZD начинают в этом году "совместный посев на объединенных участках". Это значит, что красному террору удалось превратить 2.800 свободных сел и деревень в принудительные колхозы. Но удалось не легко, ибо та же Фризова горько жалуется на "плохую политическую подготовку кампании совместного посева". Оказывается, пропагандавела настолько вяло, что в с. О. из 105 хозяев лишь 21 вступил в коллектив и согласился на прогрессивную "хозяйственно-техническую организацию земли". Зато в Р., когда "товарищам" не удалось подействовать на крестьян убедительными словами, они выделили упорствующим, "согласно закону", такие плохие и удаленные участки, что те предпочли "добровольно вступить" в коллектив. То же случилось и в В. А в Г. не-членам коллектива просто отказали в выдаче семян масленичных растений, которые те уже раньше законтрактовались в плановом порядке посеять на своих полях. За "срыв плана" им, конечно, пригрозили ответственностью: это радикально посодействовало успеху "добровольной" записи в JZD. В К. населению был предъявлен откровенный ультиматум: кто не согласится на распашку меж, того замучим штрафами и такими нормами обязательной сдачи, что, все равно, ему своей земли больше не видать. В П. согласие на распашку меж было дано письменно 32 % крестьян еще перед жатвой, но, когда 28 августа надо было приступить к их распахиванию, выполнить это не удалось из-за "спровоцированных богатеями волнений, взбудоражевших весь округ".

То, что корреспондентка-коммунистка называет "плохой политической подготовкой", в свободном мире квалифицируется, как "организованный террор, насилие и грабеж". Поэтому при всей нашей откровенности, коммунистическая печать умалчивает о числе крестьян, томящихся в тюрьмах и лагерях, хотя бы только по доносам "сельхоров", которых партия и полиция назначили по нескольку в каждом селе так, что они сами друг друга не знают, и заставила "выявлять в печати" всех тех односельчан, которые в частных разговорах осмелятся неодобрительно отзываться о коллективизации.

Так, к настоящему моменту, со средними слоями города и деревни уже покончено. За кем же теперь очередь? Но и об этом уже не раз проговаривались ком-вожди: конечно, за рабочими!

3. "Власть рабочих".

Сразу же после переворота Готвальд яростно обрушился в своем обращении к рабочим на чехословацкий пролетариат в целом за то, что он "готов был свое классовое первородство продать за чечевичную похлебку". Этот гневный окрик является признанием, что перед переворотом катастрофически пало влияние компартии на рабочие массы. Это и заставило пойти на путч, чтобы избежать новых выборов.

Точно так же, не успел еще закончиться путч, как генсек Сланский уже дал свои знаменитые директивы парторганизациям на производстве и Центральному Совету Профсоюзов:

1. Провести немедленную мобилизацию всего персонала предприятий для выполнения производственных заданий.
2. Развернуть соцсоревнование и содействовать стахановщине.
3. Начать борьбу за бережное обращение с машинами и их полное использование.
4. Ввести усиленные взыскания за "прогулы", "текучесть" и неполное использование рабочего дня.
5. Расширить сдельную и премиальную систему.
6. Увеличить производительность труда в первую пятилетку на 32 %.
7. Установить теснейшее сотрудничество партийных и профсоюзных организаций с директорами для поддержки всех их распоряжений по поднятию трудовой дисциплины и повышению выработки.

Вся эта "директива" является точной копией последних советских образцов. Вопрос лишь в том: проявил ли Сланский в этом копировании личную все-таки инициативу, или же был только рупором полученных из Москвы инструкций?

Смешно же учить чешского рабочего обращению с машинами и воспитывать в нем трудовую мораль! Именно этими качествами он и славился во всем мире. Благодаря им-то и создалась национальная высоко-развитая чешская промышленность. Подобные "директивы" настолько чужды его гражданскому сознанию, чувству личного достоинства и всем традициям профессионального движения, что могли вызвать в нем лишь законное негодование. Но коммунисты с этим не считаются. После захвата власти они, следуя советскому опыту, уже на поддержку пролетариата не рассчитывают, полагаясь лишь на единственный надежный опыт своего господства — полицейское принуждение. Немудрено, что переход власти в их руки сразу же сказался в ухудшении общей моральной обстановки и в стремительном снижении уровня жизни рабочего класса.

Чешский рабочий раньше не умел производить плохие товары и давать брак. Теперь, после своего порабощения, он

закону изучался. Профессиональные организации были вынуждены переменить свою прежнюю естественную роль защитников трудящихся на совершенно им несвойственную — "быть инструментом государственной политики". И под новым коммунистическим руководством себя в таком качестве прекрасно оправдали сразу же, когда введенные правительством новые "государственные ставки зарплаты" снизили заработки в среднем на 20 %. Это снижение преподносилось пропагандой, как "повышение оплаты высших категорий рабочих" во имя "социальной справедливости". В настоящее же время на всех предприятиях происходит "проверка производственных резервов" и раздуваемая коммунистической печатью борьба за "повышение норм выработки" с целью увеличить до предела производственное использование машин и снизить время, затрачиваемое на выработку единицы данного товара. От рабочего требуют большего напряжения, но не увеличивают его оплаты. Рабочий оказался лишенным всякой правовой защиты от эксплоатации и приобрел взамен нового "классового врага" в лице своих собственных профорганизаций.

Но он все-таки пытается еще сопротивляться, о чем свидетельствует сама коммунистическая печать. Так, "Руде Право" от 10 ноября 1950 г. дает отчет о ходе "поверки" машиностроительного завода в Челаковицах: "Группа т. т. Яла и Йозефа Господарских, Виктора Взаха и Карла Громадника не хотела согласиться на уплотнение норм, хотя это было вполне возможно, ибо поверочная комиссия указала им на "резервы", использование которых давало возможность увеличить выработку. Все это — старшие товарищи, опытные в профсоюзной практике, известные своей активностью на всем заводе, но у них, однако, устаревшие взгляды. Они заявили, что дополнительная работа требует и дополнительного вознаграждения, так как сами ничего ни от кого не получают даром, а потому не желают больше ничего никому давать даром".

Проговорившись невзначай о подлинных настроениях сознательных рабочих, газета описывает далее методы, при помощи которых это сопротивление было сломлено: после созыва общезаводского собрания, на котором дружным хором выступили ударники, нормировщики, мастера, заводский совет, парторганизация и профсоюзный комитет, "товарищи согласились уплотнить нормы на 15 %". Но, как можно видеть из того же отчета в "Руде Право", упоминаемые товарищи не были одиноки в своем протесте: из "проверенных" 44.000 норм "уплотнить" удалось лишь 3.302, т. е. менее 10%. Такой отпор тем более знаменателен, что незадолго перед этим, при введении "тарифной сетки зарплаты", практиковалось самое грубое запугивание и удаление из рабочей среды наиболее строптивых и их высылка в тюрьмы и лагери.

В ж.-д. ремонтных мастерских в Прживозу рабочие путем забастовки добились освобождения пострадавших тогда товарищей, пробывших полгода в уголовной тюрьме, ибо арестованы они были по вымышленным обвинениям в уголовных преступлениях. Подобные случаи заставили власть при нынешней "поверке" быть осторожнее, и тех рабочих, которые упорствуют в защите своих, не отнятых еще законом, прав, изымают не сразу, а постепенно под разными предлогами. Такова была судьба почти всех без исключения уполномоченных прежних коммунистических партий, которые во время нацистской оккупации даже у немцев заслужили уважение своей непреклонной защитой интересов рабочих. Но теперь интересы трудового населения стоят в прямом противоречии с коммунистическими целями, и все завоевания профессионального движения очень радикально аннулированы фактически, оставаясь в полной силе на бумаге.

Не помогло, что "премьер" Запотоцкий решительно заявил, что 8-часовый рабочий день при шестидневной рабочей неделе является извечным социалистическим требованием, а потому его отмена была бы антисоциалистическим актом, — для комедии, ставшей единственным работодателем в стране, и такой день оказывается слишком коротким. "Руде Право" с восторгом дает всем в пример завод в Усти, где "были созданы все предпосылки к выполнению принятых обязательств увеличения производства, и товарищи знали, что в этом им лучше всего помогает введение трех с половиной смен, что позволяет использовать и воскресенье, как рабочий день". Та же газета злобно накидывается на протестующих: "Недопустимо, чтобы рабочие и работницы оставались дома; поэтому необходимо немедленно публиковать их имена, ибо они — враги укрепления, соревнования и всех честных людей".

Ведется жестокая борьба с невыходом на работу вообще, совершенно не считаясь с тем, что беспрерывно подгоняемые в темпах работы, при явно недостаточном питании, люди теряют силы и нуждаются в отдыхе, чтобы не заболеть. Обращаться к террористическим властью докторам совершенно бесполезно: врачам запрещено выдавать свидетельство о болезни, если пациенты еще способны еще держаться на ногах. Чувствуя недовольство рабочих, оставшихся "самовольно" дома, а в результате участившиеся публичные освидетельствования для устрашения рабочей массы и осуждение в концентрационные лагери. По показаниям убежавшего из лагеря в Витковицах заключенного, больше половины его невольного населения составляют шахтеры и рабочие, осужденные за "прогулы".

О медицинском обслуживании рабочих можно судить по заявлению того же "премьера" Запотоцкого: "Неправда, что улучшение здравоохранения должно находиться в руках врачей. Если бы мы этому поверили, плакали бы наши нормы выработки. Улучшение здравоохранения находится в руках самих трудящихся. Нужно иметь на всех местах работы санитарные команды, состоящие из прошедших специальные курсы рабочих-санитаров". Очевидно, эти новые специалисты будут лечить больных на месте работ, "не отрывая их от производства".

"Коммунистический Труд" с явным садизмом описывает:

"На острравском руднике Зарубек оказалось 204 больных шахтера. Был организован "товарищеский суд", который пригласил врача-специалиста для их освидетельствования. Явилось 147, из которых действительно больными оказались только 17. Остальные должны были немедленно стать на работу, а против 16 возбуждено дело по обвинению в саботаже".

Нечего и говорить, что к таким методам обращения с ним чешский рабочий не привык. Но он всегда найдет способ на это реагировать. Ахиллесова пята коммунистической экономики в настоящее время — уголь. Недаром в октябре правительство отпустило 750.000 крон на специальные наградные шахтерам-отличникам. Но масса ответила так, что 16 ноября Центральный Совет Профсоюзов обнаружил в шахтах широко раскинувшуюся тайную организацию "Трудись поменьше". Главный директор шахт Сватоплук Рада был смещен, и тайная полиция принялась за "расследование". Острравский угольно-железоделательный район уже пережил после переворота полосу страшного террора, когда все прежние ответственные работники с.-д. партии были арестованы, и многие из них умерли в заключении. Этого местные рабочие никогда не простят коммунистической власти. На последних выборах она не могла найти среди местных рабочих ни одного "с.-д. кандидата" для "единого списка", и пришлось выставить в Моравско-Островском крае пражского "министра" — с.-д. В ЦК компартии не проходит ни одного заседания, где бы не поднимался вопрос о шахтерах, которых коммунисты своими "советскими" методами оттолкнули от себя окончательно.

4. Профсоюзы и рабочие.

Когда-то чехословацкий пролетариат мог гордиться перед светом своей, созданной более 20 лет назад, организацией социального обеспечения. Уже тогда всякий рабочий, достигший 65 лет, имел право на пенсию. Теперь коммунистическая демагогия хвастает перед иностранцами всеми созданными за два десятилетия достижениями, но приписывает их себе. Все это, видите ли, они уже успели "сделать для рабочих"!

Между тем, от былых достижений после прихода коммунистов почти ничего в действительности не осталось. "Труд" от 2 февраля 1950 г. поместил запрос 67-летнего рабочего, который с 14 лет, т. е. 53 года, работает в текстильной промышленности, о том, как ему получить пенсию: Центральное Страховое Управление отказало по тем мотивам, что он еще работоспособен. В ответе газета ему разъясняет, что право свое он уже приобрел, когда достиг 60 лет, но надо доказать, что его работоспособность уменьшилась в сравнении с 1946 годом... Вся тонкость "диалектики" в том, что старик не смеет остаться дома без риска очутиться за это в "трудовом лагере" и не смеет снизить темпов, чтобы не оказаться "саботажником": он должен всеми силами показывать свою прежнюю "трудоспособность"...

Неспроста тот же Запотоцкий произнес в санатории во Вражи речь: "Мы желаем и должны сделать соц. страхование орудием, стимулирующим производство и производительность труда рабочих, чтобы оно наряду с социальными взяло на себя еще и народохозяйственные функции". Этим он подтверждает то, что сообщают беглецы с родины. Все санатории переполнены, но не больными рабочими, как было когда-то, а здоровыми, "отдыхающими" весьма комфортабельно в награду за предательство интересов своих же товарищей-пролетариев.

Распоряжением Центр. Совета Профсоюзов от 27 ноября 1950 г. введены вторая и третья смены во всех работающих на оборону предприятиях, т. к. того требует задача досрочного выполнения полученных от СССР военных заказов. Это приводит к тому, что жена и муж, работающие в разных сменах, не могут встретиться друг с другом дома в течение ряда недель. Даже "нацы" разрешали замужним женщинам оставаться полдня в неделю по своему выбору дома.

Как недавно устраивались публичные показательные суды для "буржуев", так теперь их усиленно организуют на заводах и фабриках против пролетариев — "саботажников и вредителей". На недавнем таком "суде" на фабрике Штольверк в Братиславе десятки рабочих были присуждены к многолетнему заключению, — повидимому, только потому, что, как доказал советский опыт, пролетарий в качестве рабочей силы дешевле обходится государству в концлагере, чем на фабрике.

Самым действительным фактом и аргументом в борьбе с коммунистической пропагандой и ее демагогическими обещаниями является правдивое изображение коммунистической действительности. Это сознают сами коммунисты и даже не пытаются завоевать какие бы то ни было симпатии у пролетариата после захвата ими власти. Они прекрасно понимают, что рабочий ежедневно наблюдает непримиримые противоречия между целями и методами власти, с одной стороны, и интересами всего населения в целом и собственного пролетариата в частности, с другой. Партия путем перманентной "чистки" все сильнее "большевизируется", т. е. становится покорным орудием советского империализма. Внутри ее ликвидируются все те члены, которые делают попытки задержать этот процесс, чтобы сохранить в глазах рабочего класса хотя бы видимость своей политической и национальной самостоятельности. Советский империализм превращает все иностранные компартии в свои "пятые колонны". По этой линии и происходит "отбор". Старые "идейные" коммунисты или отстранены от активной работы, или уже в тюрьме. На их места посажены бесчестные и "на все готовые" люди. Так и чешская компартия настолько "обольшевичилась", что ко всему подходит исключительно с "советской" точки зрения и хозяйство собственной страны планирует только в интересах заключенных с СССР "торговых договоров".

5. Диктатура против трудящихся.

Трудящиеся на фабриках и в деревне очень быстро поняли, что им совершенно бессмысленно спорить и волноваться при "проработке" местных хозяйственных планов, "соревнований" и т. п., ибо все это заранее предрешено в секретариатах партии и должно служить не местным нуждам, а далеко идущим задачам советской мировой экспансии. Противоречия между политикой власти и самыми насущными нуждами населения делаются с каждым днем все очевиднее, и всякий новый "план" или новая "кампания" только глубже вырывает пропасть между партией и трудящимися. Это прекрасно знают в партии все — от министров и "депутатов" до самого мелкого работника "партаппарата". Неслучайно партийная печать плачется на нехватку инструкторов для подготовки коммунистических кадров и на постоянное уклонение "товарищей" в низовых организациях от предлагаемых им "партийных постов", под предлогом "перегруженности".

И вот, правящую партию, со всей ее несокрушимой полицейской мощью, начинает преследовать страх собственной изолюции и ощущение окружающей ее пустоты. А тут Москва, после данного ей Тито урока, нарочито толкает чешскую компартию на непримиримый конфликт с трудящимся людом, боясь всякой возможности их союза в оппозиции себе.

По предложению Запотоцкого, ЦК чешской компартии постановил часть запасов армейского оружия и аммуниции сосредоточить на крупных предприятиях и складах партийных организаций и кооперативов под строгой охраной "рабочей милиции". Как говорят, после голосования Запотоцкий сказал: "Не знаем ни дня, ни часа, когда нам придется этим оружием пользоваться; несомненно лишь то, что когда-нибудь нам пустить его в ход придется: на регулярные войска положиться нельзя".

До 300.000 ружей уже сосредоточено на крупных предприятиях. Пулеметы и более тяжелое оружие спрятаны в кооперативных организациях. Армия после стольких уже "чисток" и казней офицерского состава все еще оказывается ненадежной, т. е. власть не смеет положиться ни на рабочих, ни на крестьян, призванных в армию. У нее нет другой опоры, кроме полицейских отрядов и тесно связанной с ними "рабочей милиции", укомплектованной исключительно из подонков города, люмпен-пролетариата. Еще не выяснены конкретные причины недавних процессов бывш. "коммунистических партизан" с рядом смертных приговоров. Отказались ли эти партизаны "большевизироваться"? Показались ли их партизанские таланты и навыки опасными для нынешней власти? Так или иначе, но непрекращающаяся глухая борьба внутри партии укрепляет веру населения в лучшее будущее. Трудящиеся с родины представителей требуют от чехословацкой эмиграции, чтобы переживаемый ими "опыт изучения большевистской практики" не был бы скрыт от трудящихся свободны стран Запада.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

К ПРОБЛЕМАМ СОЦИАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ.

I.

То, что принято называть "национальным вопросом", составляет теперь, в эпоху национально-демократического максимализма, одну из самых взрывчатых и полных далеко идущими последствиями проблем большого калибра, разобраться в которой полезно и необходимо, причем как можно скорее и с возможно более широким охватом кажущихся второстепенными деталей. Если, тем не менее, мы уклонялись от публичных выступлений на эту тему, то только потому, Рафаил Абрамович, что много такого, что нам в СССР казалось (и кажется теперь) устойчиво определившимся, само собой разумеющимся и органически вросшим в психологию, житейский обиход, быт, кровь и плоть н а р о д о в, в некоторых эмигрантских кругах встречает ожесточенную реакцию, и не всегда возможно понять, есть ли это повышенная температура "нормального" остракизма, или, наоборот, доказывает существование холодных, вполне осмысленных империалистических концепций. Мы заставляли себя верить в первое и потому предпочитали не подливать добавочные литры горючего в и без того бесполезно бушующее пламя страстей, чтобы снова не быть обвиненными (на этот раз—в эмиграции) в покровительстве каким-нибудь "врагам народа", "великодержавному русачеству", "буржуазным националистам" и (что особено чудовищно) "заговорщикам, ставящим целью кордонизировать Белоруссию, Украину и Кавказ против Москвы".

Но теперь мы все со скоростью вползаем в третью катастрофу, и это обязывает постараться понять ценность зубов еще до выбития их из челюсти. Бывший сотрудник геббельсовского "Фелькише Беобахтер" уверял меня, что правительство фюрера до конца поняло лишь в 1944 году, что СССР уже не Россия и населена не одними русскими, а 200 различных по историческим судьбам, традициям, устремлениям, психологии, географии, месту в имперской жизни, быту, уровню развития, религии и языку н а р о д о в, каждый из которых имеет собственное историческое и конституционное имя, причем законами запрещено называть его иначе. Может быть, нацист слегка преувеличивал, но в общем это — правильное заключение, запоздалое усвоение которого стоило Германии фатального разгрома и длительной оккупации со всеми потрясающими последствиями, — последствиями, которые заставили нас задуматься над многими вопросами под общим названием: "а что, если бы все это произошло в нашей собственной стране?

Действительно, нет больше ни "России", ни "россиян", ни "русского народа" в дореволюционном смысле этих слов, — юридически и фактически есть только многонациональная Российская Федерация (РСФСР), Украина, Белоруссия, Грузия, Армения, Азербейджан, Туркмения, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Эстония, Латвия, Литва, Молдавия и Карело-Финская ССР. Нет больше собирательных слов "русский народ" (советчики теперь вынуждены рвать волосы снизу вверх и жонглировать искусственным словечком "советский народ"), а есть только **народы** русский, украинский, башкирский, грузинский, татарский, эстонский, осетинский, белорусский, якутский и так далее, и так далее. Должно ли напомнить и о таких мелочах, что в соответствующих графах автобиографий, анкет и иных документов личного дела каждый гражданин обязан отмечать свои действительные национальность и родной язык? Если это не делается, и позже об этом узнают власти и организации, следует привлечение к ответственности и "разоблачение" со всеми малозавидными последствиями. Было бы дико взобраться на трибуну, скажем, киргизского митинга и обращаться к нему со словами: "граждане русские" или "граждане россияне", как это делали нацисты на Северном Кавказе, в Белоруссии, на Дону и на Украине. Хорошо это или плохо, — не предмет этого письма. От того, что племники инерции обычно возражают героическими "был и будет", "была и будет" или "не позволим", дело никак не изменится, и я лично предпочитаю ориентироваться на устойчиво определившееся фактическое положение вещей.

И когда определенные эмигрантские круги (которым, впрочем, ничего, кроме успехов на благо родины, я не желаю), иностранные государственные мужи, журналисты, авторы и (особенно) радио все же оперируют языком "русские", "россияне", "русский народ" и "Россия", то это, к сожалению, свидетельствует лишь о глубоком вторжении закона инерция в психологию, о недостаточно ясном понимании происшедших перемен, о непонимании той элементарной истины, что 65 % населения не считает себя русским и не принимает на свой счет апелляции под знаком слова "русские". Нетрудно, следовательно, понять, почему ни одна из внутренних оппозиций с начала тридцатых годов не выпустила ни одного воззвания или иного печатного или устного обращения с адресными словами: "русский народ", "Россия" или "россияне". Нетрудно судить и о практическом эффекте недостаточно продуманных с этой точки зрения апелляций извне — "туда".

Я напомню о мелком, но сочном факте. Как-то раз маршалу Жукову я показал кипу эмигрантских изданий, в которых говорилось о мужестве русского народа. "Почему только **русские,** — спросил он, — разве героически сражались только русские? Разве 28 гвардейцев-памфиловцев не были почти все не-русскими? Разве среди героев сталинградской битвы до 70 % составляли не не-русские? Разве в битве за Берлин около половины войск не составляли не не-русские?" Я пояснил, что под словами "русские и "русский народ" авторы подразумевают все народы СССР, но он рассмеялся и возразил, что таких понятий у нас больше нет. Число подобных примеров можно было бы увеличивать без конца, но нет ни места, ни необходимости. Должны ли мы объявить Жукова на этом основании врагом русского народа, как г-ну Михайлову было угодно заключить, что "Токаев ненавидит русских"? Сомневаюсь, чтобы это способствовало спокойному урегулированию взрывчатой проблемы, чтобы от этого что-нибудь выиграл русский народ, основная масса которого, между прочим, свободна от притязаний навязывать другим народам не их имена.

В одном случае я, воистину, обнаружил себя в музее. В лежащем передо мной длинном письме видный эмигрант, переписывающийся все по тому же предмету, любезно называющий меня, кстати, "вашим превосходительством", упорно именует украинцев малороссами, а народы Закавказья — инородцами. Я понимаю, что ничего особенно обидного в этих словах нет, но в СССР они звучат оскорбительно, и не уверен, что того, кто произнес бы их вслух, не доставили бы в исторический музей, как чудом занесенный из другого мира редкий экспонат. Надеюсь, никого не обижу, если посоветую постараться забыть о всех старых словечках, вроде "инородец", "туземец", "великоросс", "желторосс", "русский народ и другие **племена**", "жид" и т. п. Выжило все это, не найдете ничего этого ни у Ивана, ни у Ибрагима (правда, гнусное словечко "жид" все-таки в послевоенный период не без потворства властей изредка пробивает себе путь). Я думаю, что будет предпочтительнее возвратиться на родину не только без "е" через мягкий знак с бревном поперек, но и без переводчиков с эмигрантского на народный. Еще и еще раз повторяю, что тут речь идет не о том, что хорошо или

плохо, а о том, что есть и с чем невозможно не считаться. За годы советской власти, большинство в прошлом отсталых, нередко — сплошь неграмотных народов вышло на уровень национального самосознания, политической зрелости (и даже равноценности), всеобъемлющей государственной организации и культурного подъема. Поспешим заметить, что развитие было типично советским, однобоким, но в равной мере это относится теперь и к самому русскому народу, — во всех более или менее значительных и компактных народогруппах имеются на родном языке: книгоиздательство, пресса, театры, радио и учебные заведения всех ступеней; неграмотность стала явлением редким — и так далее, и тому подобное.

В Северо-Осетинской АССР, например, процент людей с высшим образованием больше, чем во всей РСФСР; в Татарской АССР учителей больше, чем в Куйбышевской области; в Грузии процент писателей, литераторов и поэтов выше, чем в СССР; в Якутии столько же учителей, сколько в Архангельской области; в республиках Средней Азии вы найдете немало талантливых докторов и кандидатов наук, профессоров и доцентов, инженеров и философов, историков и литературоведов, врачей и социологов; крупнейшим советским авиаконструктором является теперь армянин, а его заместителем — еврей; крупнейший изобретатель-конструктор реактивных двигателей СССР — украинец; академик — секретарь Академии Наук СССР — представитель в прошлом забитого народа, "инородец" и даже "туземец". Таких примеров можно привести сколько угодно.

Я не знаю, далее, ни одной национальной республики или области, — а мне приходилось бывать в большинстве из них и общаться с их руководителями и интеллигенцией, — которая не имела бы своего научно-исследовательского института краеведения и истории. В этих институтах проделана важная работа по систематизации национальной истории вообще и обстоятельств присоединения к России — в частности, поэтому теперь надо отказаться от ошибочного представления, что нерусские народы все еще не знают своей истории. Какое значение это имеет для активизации националистических устремлений, — излишне пояснять.

Наконец, факт существования Верховных Советов, президиумов Верховных Советов, советов министров, министерств, комитетов и управлений (при всем их вывесочном характере, при всей их приспособленности к нуждам империалистической диктатуры тоталитарного абсолютизма, при всем их бесправии перед комитетами партии) все-таки обогатил народы некоторым опытом государственной организации, причем отнюдь не только на бумаге, как иногда утверждают, и это будет иметь в будущем важное значение. Когда я пишу эти слова, мысли невольно уносят меня к 1936 году, к бурному объединенному совещанию, на котором один из главных оппозиционных лидеров в своем, как всегда, блестящем по форме и образцовом по содержанию докладе на описываемую тему, воскликнул: **"Никаким Сталиным и Молотовым, товарищи, никогда больше не удастся лишить не-русские народы у ж е приобретенного опыта республиканской, областной, краевой и окружной администрации!"** Сегодня это верно вдвойне, втройне...

С другой стороны, экономическая реконструкция страны со сталинско-молотовской беспощадностью хирургически вмешалась в жизнь провинций, и мы не сделаем ошибки, если станем утверждать, что если (еще) не по насыщенности техникой, то по темпам и качеству овладения ею, по принципам хозяйствования, по методам организации труда и по направлению развития не-русские народы вышли на средний общесоюзный уровень, а в некоторых случаях начинают даже опережать. От патриархально-родово-феодально-кре постической жизни остались лишь редкие следы, да и то в каких-нибудь захолустьях, вдали от жизненных центров.

Все это и многое другое укрепляло, укрепляет и будет укреплять уверенность не-русских народов в их способности к самостоятельному национально-государственному существованию. Важную активизирующую и пробуждающую роль в этом направлении сыграли и внешние факторы такого рода, как возникновение нового государства Израиль и обретение независимости Индией, Пакистаном, Цейлоном, Соединенными Штатами Индонезии и др.

Но почему в ряде не-русских народов нормальный национализм перерастает в острое ожесточение против кремлевской олигархии? В чем состоит фактическая суть национальной проблемы в СССР?

Я не собираюсь писать для "Соц. В." о теоретических основах национального вопроса. В вашем журнале уже был помещен исторический обзор национальной проблемы (Р. А. Абрамовича) и ряд отдельных статей ("Будущая Россия и национальный вопрос", "Нац. вопрос в нашей программе", "Не по адресу", "К национальному вопросу в СССР" и др.). Поэтому я остановлюсь на вопросах более конкретных, с упором на новейшие явления (и симптомы явлений) в послевоенном СССР с целью дать хотя бы схематическое представление о **действительных** причинах растущей активности местных националистов", "буржуазных националистов", "национал-коммунистов" (по теперешней терминологии — "титоистов") и "кордонизаторов" (так цинники ЦК ВКП (б) окрестили тех, кто, якобы, ставит целью "кордонизировать Кавказ, Украину и Белоруссию против Москвы").

Приблизительно с 1934 по 1939 и с 1941 по 1944 годы ни одна более или менее организованная группа (группировка) националистических демократов не имела ничего общего с примитивным антирусизмом. При этом, конечно, прежде всего надо упомянуть революционера-большевика Сафарова, расстрелянного по нелепому обвинению в соучастии в убийстве Кирова, человека кристально-чистой веры в идеалы социальной и национальной реконструкции, убежденного сторонника многонационального сосуществования, фактического руководителя наркомнаца в годы гражданской войны, одного из действительных и главных авторов проекта СССР, как государственной формы сожительства на равноправных началах и добровольной основе, совершенно свободного от ненависти к русскому народу (народу, а не империалистической ведущей элите).Сафаров уже к началу тридцатых годов был потрясен фактом насыщения прекрасной формы вульгарным империалистическо-колониальным содержанием со всеми его дискриминационными атрибутами. "Иногда я радуюсь по-детски, — говорил он со свойственным ему политическим темпераментом и непосредственностью, — что наши национальные меньшинства делают серьезные успехи в областях политической, хозяйственной, культурной и административно-государственной, но, к сожалению, это обходится им слишком дорого, стоит им утраты самостоятельности, заставляет их приспособляться к великодержавно-империалистическим потребностям и фактически лишает их права жить по-своему. Однако, во всем этом меньше всего мы должны обвинять рабочих и крестьян русской национальности..."

Не менее ярко ту же мысль подчеркнула преждевременно загнанная в могилу Надежда Сергеевна Аллилуева в связи с известным выступлением Красной армии против северо-кавказцев: "Неправильно, товарищи, — заявила она с нескрываемым гневом, — что горцы ненавидят русских трудящихся, я знаю их не такими, они возмущены только лишением их национальной независимости".

В 1947 г. мне пришлось иметь длительную беседу с группой видных украинских "кордонизаторов", неоднократно и единодушно заявлявшей, что она боролась, борется и будет бороться за полное, безоговорочное и навсегда отделение Украины от СССР, но никому не позволит отождествлять это с ненавистью к русским трудящимся, поскольку они не будут препятствовать украинской независимости.

Масса аналогичных высказываний и иных симптомов, насыщающих страницы обширного коллективного доклада относительно причин растущей активности националистического движения, позволяет констатировать с твердостью, что фактически неправильно, политически вредно и антидемократично, тактически опасно прикленвать национально-демократическим деятелям в СССР ярлычок тупого антирусизма, как это делает ЦК ВКП (б).

В чем же состоит действительные причины? Рассмотрение полезно вести по районам.

В Карело-Финской ССР вероломное нападение на Финляндию (1939) породило, как известно, психологическую настороженность, дополняющуюся теперь естественной реакцией на (фактически) оккупационный режим, на ни с чем не считающуюся руссификацию, на выселение коренного населения на Восток и распределение его земель, домов и иного имущества между пришельцами, военизированными поселениями или воинскими частями, на малоизвестное заграницей остервенение СССР против Скандинавии вообще и Финляндии, в частности, на репрессии за так называемые "симпатии к финским фашистам" в последнюю войну — и т. д. И очень сомнительно, чтобы советскому или иному правительству в будущем еще удалось нормализировать накалившуюся до предела психологическую атмосферу. Значит, здесь орудием "братского сожительства" останется насилие, которое при подходящей ситуации может вызвать вулканический экстремизм.

Эстония, Латвия и Литва были оккупированы дважды; в послевоенный период руссификация превзошла разумные пределы, экономический грабеж в сочетании с утонченными формами эксплоатации достиг высокой степени бесцеремонности, массовые репрессии за "симпатии к немцам" и "антипатии к армии-освободительнице" уничтожили уверенность среднего гражданина в завтрашнем дне, сотни тысяч выселены на Восток, лучшие дома и заведения превращены в военные училища и казармы, самым почетным гражданином Риги стал сталинский солдат; еще недавно чистенькие и (нередко) святые места изгажены (простите за словечко), библиотеки очищены от "буржуазной" литературы, произвол в отношении женского пола приблизился к берлинскому уровню, даже коммунисты коренной национальности не допускаются к руководству милицией и органами безопасности, и пр.

В последний раз я был в Прибалтике осенью 1947 года и пришел к прочному выводу, что три маленькие страны катятся по наклонной плоскости. Население чувствует это почти физически, и подстрелы из-за угла и иные формы нападений на оккупантов перестали быть редкостью. Иногда вспыхивают партизанские, организованные выступления под знаменем **национально-освободительной борьбы,** и, насколько нам известно, демократические оппозиционные элементы в центре и на местах империи делают все возможное в советских условиях, чтобы оказать им моральную и иную помощь. Во всяком случае, никто, кроме неисправимых империалистических реакционеров, не желает им неудач, и, может быть, было бы неплохо иметь по этому вопросу определенную позицию в программах эмигрантской русской демократии.

Белоруссия... Этот несчастный уголок уже давно стал перманентной казармой и театром опустошающих войн, не говоря уже о последствиях Версальского и Рижского договоров. Послевоенные авантюристические мероприятия Политбюро особенно болезненно отразилось, прежде всего, опять-таки на Белоруссии; на все ее жизненные клапаны давит военщина; продовольственные и жилищные ресурсы в значительной мере идут на удовлетворение разбухшего Военного Округа; советско-германская война прошла по республике жутким ураганом; восторжествовало царство землянок и нищеты; сотни тысяч семейных очагов оказались раздавленными; репрессии за якобы симпатии к нацистским оккупантам нанесли тяжелые удары по народу в целом; бедность республики естественными ресурсами придала восстановлению мучительный характер, — и так далее.

— Знаете, товарищ начальник, — сказала мне минская учительница в сентябре 1947 года, — какая бы ни была война, а в первую очередь от нее страдаем мы, белорусы, а не вы, москвичи, привыкшие загребать жар чужими руками. Москву не грабят то немцы, то свои, ваших женщин не насилуют то одни, то другие, вас не выгоняют из квартир в землянки, ваши дома не разрушают и не поджигают то одни, то другие, а мы всем этим сыты по самое горло, и будет лучше, если вы оставите нас в покое; живите себе в своей Москве, любите своего Сталина, а мы бы обошлись и без вас...

— Отчего бы все это не рассказать товарищу Пономаренко? — спросил я, на что последовал оригинальный ответ:

— Рассказать Пономаренко? Бесполезно. Была бы довольна Москва, а на Белоруссию ему наплевать. Он готов защищать Россию до последнего белоруса.

Вот почему новая военная истерия активизировала националистические настроения даже среди аппаратчиков ЦК ВКП (б) Белоруссии, и пономаренкам, гусаровым, козловым и патоличевым пришлось пройтись каленым железом по носителям "вражеской пропаганды", в число которых попали почти все центральные и местные руководители, включая председателя президиума Верховного Совета республики. Это, однако, полного успокоения не принесло, и в этом мы еще убедимся очень скоро. Ибо народ понимает, что новая война, если ей суждено случиться, принесет еще большие, может быть непоправимые вообще, бедствия массового характера. Остается либо прозябание, либо борьба за существование. Кто может быть уверен, что народная мудрость не остановится на последнем решении?

Впрочем, один только тот факт, что первым секретарем ЦК ВКП (б) Б. назначен Патоличев, редкий деспот-фанатик, всеми силами души ненавидящий любые формы национально-освободительного движения в Советской России, уже теперь свидетельствует о напряженности внутреннего положение республики (как всякое назначение Кагановича на какую-нибудь новую работу обычно свидетельствует об опасных прорывах в организаторской деятельности его предшественников).

Все это можно сказать и об Украине, которая, к тому же, по территории, населению, национальной компактности, географическому положению, уровню развития, коммуникациям, естественным богатствам и культуре вполне готова к самостоятельному государственному существованию, — существованию менее централизованному и более обеспеченному. Но в послевоенные годы, активизации украинского национализма серьезно содействовали и другие причины, в частности:

а) геноцид против Крыма, Северного Кавказа и Калмыкии в близлежащих районах Украины вызвал раздражение и настороженность;

б) превращение Крымского полуострова в территориальную и административную часть РСФСР с почти чисто-русским населением вызвало нескрываемое недовольство не только у националистически-настроенной части населения, но и у значительной части руководителей Украины сверху донизу ("Россия окружает нас", "Россия отрезает нас от моря").

в) советское правительство проводит плохо замаскированную политику расселения украинцев с целью: 1) ослабить их национальную компактность, 2) методом смешения углубить взаимозависимость русского и украинского народов, 3) путем заселения украинцами районов геноцида и депортаций возложить на них известную часть исторической ответственности и недовольства пострадавших народов; 4) усилить русский элемент внутри самой Украины;

г) репрессии за якобы симпатии к немецким оккупантам серьезно усилили антисоветские эксцессы, часто выливающиеся в эксцессы националистические;

д) вместо быстрого восстановления разоренного войною хозяйства, правительство встало на путь форсирования военных отраслей, и это не прошло без реакции со стороны народа;

е) поспешная коллективизация в западной Украине натолкнулась на сопротивление, породившее даже вспышки партизанской борьбы;

ж) 1946-47 годы для Украины были годами нового голода, но все же под руководством Кагановича проводились "успешные" террористические хлебозаготовки, что послужило поводом для широко распространенного ропота и обвинений в военно-феодальной эксплоатации.

В общем, не будет ошибкой считать, что националистические дуновения на Украине после второй мировой войны серьезно усилились, и с ними придется считаться.

Г. А. ТОКАЕВ.

ПРАВДА ОБ АНГЛИИ

ОТВЕТ ИВ. ИВАНОВУ

Тов. Люциан Блит является представителем польского Бунда в Лондоне. 1939-1941 г. г. он провел в тюрьмах и ссылке в СССР.

РЕД.

Ни один думающий социалист не может пройти мимо вопросов, поднятых Ив. Ивановым в его "письме" в № 11-12 "С. В.". Я с глубочайшим вниманием прочитал в письме Ив. Иванова те места, где он подвергает критике социалистический эксперимент Британской Рабочей Партии. Я пишу это письмо из Лондона, где я принимаю участие в Лейбор-Партии, и я знаю, что тут у нас нет ни одного социалиста, который не приветствовал бы всякую конструктивную критику того эксперимента, который здесь проводится.

На недавнем съезде Рабочей Партии, в октябре 1950 г., об этом говорил не кто иной, как Герберт Моррисон, который от имени Исполнительного Комитета и правительства призывал партию к свободной критике достижений рабочего правительства, в особенности в области национализированных отраслей промышленности.

Боюсь, что критика Ив. Иванова недостаточно конструктивна. И так как он помимо того недостаточно знаком с фактами, то я опасаюсь, что его письмо может ввести в заблуждение российских социалистов.

Начнем с более мелких ошибок. Ив. Иванов пишет: "В Англии у власти Рабочая Партия, не носящая официально социалистического титула; в Скандинавии у власти социалисты"... Но все это недоразумение: из двух скандинавских партий, которые стоят у власти, одна, норвежская, называет себя совершенно так же, как и британская, "Рабочей Партией". Но фактически и норвежская рабочая партия, и британская являются социал-демократическими партиями. Их официальное название — просто исторический пережиток, сложившийся в результате определенного развития. Английская Рабочая Партия уже в 1919 году приняла социалистическую программу (написанную. кстати сказать, Сиднеем Веббом), и в Англии нет ни одного человека, который сомневался бы в том, что партия эта социал-демократическая. Я знаю, что в русской литературе она получила название "Рабочей Партии", но было бы ближе к английскому смыслу, если бы ее называли по-русски: "Партия Труда", ибо это последнее имя правильнее передавало бы идейный горизонт этой партии, построенной на социалистическом, но не на классовом фундаменте, и она не делает различия между рабочим и любым другим трудящимся.

Но, как я уже сказал, это — ошибка небольшая. Гораздо серьезнее ошибка, которую совершает Ив. Иванов, критикуя методы национализации и управления национализированными отраслями промышленности в Англии.

Прежде всего, сравнительно скромный охват национализации, проведенный до сих пор в Англии, является результатом не недостаточной решимости или слабости, а сознательным устремлением Рабочей Партии, вытекающим из всей ее идейной установки. Английские социалисты в своих политических воззрениях являются "либералами", в том смысле, что они сторонники широчайшей политической и личной свободы. Они боятся слишком большой концентрации политической и экономической власти в руках отдельной группы или партии, и в этом отношении сходятся со сторонниками демократического либерализма, какими являлись в свое время Гладстон или Асквит. Поэтому, они всегда заявляли, и особенно сильно подчеркнули в новой партийной программе ("Рабочие и новое общество"), что они не стремятся к национализации всего частного сектора экономической жизни. Они ограничились тем, что до сих пор национализировали всего около 20 % хозяйства страны. Думается мне, что Рабочая Партия не пойдет дальше этого и в том случае, если она на будущих выборах получит более значительное большинство в парламенте. Партия **не хочет** слишком большой концентрации мощи в руках государства, и особенно сильно против этого выступает кооперативное крыло партии, которое в последнее время приобретает все большее влияние. Точно так же и "Общество Фабианцев", в течение ряда десятилетий бывшее идейным центром партии и выработавшее первые планы национализации, за последние два года опубликовало ряд работ, которые свидетельствуют о том, что общество это больше не считает национализацию панацеей от всех зол.

Все это, вместе взятое, дает основание утверждать, что после неполных шести лет управления страною, английские социалисты не только не опьянены властью, — как того опасается Ив. Иванов, — но очень серьезно подумывают о том, как бы предохранить английский социализм от опасности анти-демократической концентрации экономической и политической мощи в руках государственной машины.

Перейдем теперь ко второму вопросу, к вопросу о **демократии внутри национализированных отраслей промышленности.** Вопрос этот, поднятый Ив. Ивановым в его "письме", является одним из самых важных для Рабочей Партии Англии, и о нем стоит поговорить. К сожалению только, Ив. Иванов и в этом случае проявляет недостаточное знание фактов. Так, в первой части своего письма он пишет, что "в стране Уоллстрита шахтер, например, чувствует себя "свободнее", чем шахтеры в стране демократического социализма". Это может быть верным или неверным в период экономического подъема. Но что произойдет, когда подъем сменится кризисом и депрессией? В Англии за участь рабочих за время депрессии ответственным является правительство, и оно должно будет и будет заботиться о благосостоянии своих рабочих. Но в Соед. Штатах эта ответственность будет лежать, с одной стороны, на общем "социальном обеспечении" США и на тех резервах, которые к тому времени будут накоплены тред-юнионом углекопов. Всего этого будет, однако, недостаточно, чтобы в случае продолжительного кризиса обеспечить американских шахтеров сносным существованием. И тогда они длинными очередями будут стоять у ворот копей. И "соотношение сил" в социальной борьбе тогда резко изменится к невыгоде рабочих.

Но это не самое главное. Важнее то, о чем Ив. Иванов пишет дальше, указывая, что "шахтеры Англии, добивающиеся рабочего контроля в управлении национализированной угольной промышленности..., получили от рабочего правительства Англии столь же твердый отказ, как и отказ, данный Лениным в 1921 году своим анархо-синдикалистам".

На этой основе Ив. Иванов строит наиболее серьезную часть своей критики социал-демократического эксперимента в Англии. Внесем сначала нужные поправки к фактической стороне дела. Когда в сентябре прошлого года относительно маленький союз химических рабочих (около 30.000 членов) внес на конгрессе английских тред-юнионов предложение о введении рабочего контроля во всех национализированных предприятиях, то предложение это было, действительно, отклонено, но отклонено оно было не правительством, а подавляющим большинством голосов самих рабочих. За это предложение высказались только 2-3 коммунистических союза, — по соображениям, которые всем понятны. Среди тех, которые решительно выступили против предложения химиков, была вся делегация шахтеров, представлявшая тогда 700.000 рабочих. Вместе с шахтерами голосовали и представители всех других рабочих национализированных отраслей промышленности. И голосовали они так по следующим очень веским соображениям:

Если рабочие будут формально представлены, как таковые, в правлениях национализированных предприятий, то это должно раньше или позже привести к тому, что их профсоюзы потеряют свою независимость. При нынешней системе, как и до национализации, союзы представляют интересы рабочих, занятых на данном предприятии, и только их интересы. Если же рабочие станут органической частью администрации и управления, то тогда их профсоюз неизбежно должен потерять свободу действия, которой он располагает сейчас. Поэтому, именно в интересах демократии необходимо, чтобы профсоюзы рабочих и при социализме, — по крайней мере, в переходный период, — сохраняли свою независимость по отношению к правительству и к представителям последнего в управлении промышленностью.

Уже в 1934 году на конгрессе Рабочей Партии разыгрался заключительный акт борьбы между сторонниками синдикализма и демократическим социализмом по вопросу о роли рабочих в управлении национализированными предприятиями. Не безынтересно будет указать, что синдикалистскую точку зрения отстаивал тогда Эрнст Бевин, секретарь Союза Транспортных Рабочих, а вторую точку зрения — социал-демократическую, которая тогда и победила, — представлял Герберт Моррисон, в то время делегат служащих лондонского городского самоуправления. В 1945 г. первое рабочее правительство заявило, что оно будет проводить постановление упомянутого партийного съезда. Правление национализированных отраслей промышленности составляется из трех элементов: 1) из технических специалистов, 2) людей с большим опытом в профсоюзной работе в данной отрасли и 3) представителей интересов потребителей. Но все эти представители ответственны за свою деятельность перед правительством и перед парламентом. Они работают в этом правлении не как представители своих организаций или союзов, а как частные люди. Каждый год публикуется отчет о состоянии данной промышленности, и отчет этот обсуждается парламентом. Таким образом, национализированная промышленность контролируется не только правительством и парламентом, но и прессой и свободным общественным мнением всей страны. Не нужно быть восторженным социалистом, чтобы согласиться с тем, что этим путем весь народ, как в лице своих избранников, так и непосредственно, получает возможность контролировать самые важные моменты экономической жизни. Опасность, что при этой системе контроля правительство может вступить на путь тоталитарного извращения, является бесконечно малой по сравнению с опасностью, что без национализации контроль над хозяйственной жизнью может попасть в руки клике монополистических капиталистов, ориентирующихся на военную диктатуру. Английская Рабочая партия против "рабочего контроля" потому, что она против господства одного класса или одного слоя населения над другими. В своем социальном и хозяйственном эксперименте она стремится к чему-то большему, чем к механическим изменениям в составе руководящего хозяйственной жизнью слоя.

Прошу извинения, если я слишком подробно остановился на этом вопросе. Хочу только прибавить, что вопрос о демократизации хозяйственной жизни еще далеко не разрешен в Англии, несмотря на большое количество добровольных и общественных органов, которые были созданы в национализированных и частных предприятиях. Но вся эта проблематика имеет только косвенное отношение к той критике, которую Ив. Иванов обратил против английской рабочей партии в своем письме. И еще менее оснований проводить параллель между лейбористской Англией и тоталитарным СССР.

Л. БЛИТ.

ПОПРАВКИ:

1. В статье Р. Абрамовича "Марксизм, диктатура пролетариата и большевизм" в № 11-12, на стр. 218: фельетоны Аксельрода были напечатаны не в 50-51 номерах "Искры", а в № 55 и 57.

2. На стр. 217 в примечании указано, что на Втором Съезде Партии против Плеханова выступал доктор Мандельберг. Это ошибка: с возражениями выступали Акимов и доктор Левин, делегат "Южного Рабочего".

В № 1 за 1951 год: Отдел: "Из Партии", в ответе Редакции, стр. 22, пункт 2, строка 4, должно быть: "2-го мая 1948 г., т. е. до конфликтов и поисков компромисса".

Редакция

PRINTED IN FRANCE

Le Gérant : Charles DUMAS — Imprimerie de la S.N.I.E., 32, rue de Ménilmontant, Paris (20e)